

12

1 2001

ТАЛЫЦЫ

ТАЛЬЦЫ • 1(12) • 2001

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
▪ АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
▪ ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А.Р. Артемьев. Навигационные школы Восточной Сибири в XVIII веке ..... 3 ✓

М.В. Кузнецова. Развитие военного образования в Иркутске в XVIII - первой половине XIX века ..... 12 ✓

А.Е. Басалаев. Учебный год церковно-приходской школы Забайкалья 24

О.Б. Лынша. Развитие начального образования у сельского населения Забайкальской области во второй половине XIX века 29

В.И. Тарасов. Игрушка и творческий процесс в начальном художественном образовании 43

У НАС В ГОСТЯХ

В.А. Гущина. Музей-заповедник «Кижы»: из истории создания 49

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ

А.К. Нефедьева. Экспозиция церковно-приходской школы в музее «Тальцы» 60

НОВЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ

В.В. Тихонов. Усадьба крестьянина Зарубина Среднего Приангарья начала XX века 66

МУЗЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В.И. Толстой. Выступление на Всероссийском совещании музеев 71

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ 80

КОНФЕРЕНЦИИ 83

НОВЫЕ КНИГИ 84

ВОСПОМИНАНИЯ

И.И. Козлов. «Тальцы» в истоке 86

НА ДОСУГЕ

Знаете ли вы Закон Божий? 96

Учредитель и издатель:

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы».

Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2.

Тел. (8-3952) 33-47-05

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), Л.В. Мельникова, канд. ист. наук. О.Ю. Сечейко, А.К. Нефедьева, В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера: Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: Ю.П. Лыхин, С.С. Олещук

Оригинал-макет: В.В.Образцов

Подготовка к печати: Издательская группа «ORBIS»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г. выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2.
Тел. (8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92.

На обложке:

С. 1 - Кижский архитектурный ансамбль. *Фото В. Ларионова*

С. 2 - Музей «Тальцы». Церковно-приходская школа. 1885 г.

Фото В. Тихонова

Музей «Тальцы». Комната учительницы в церковно-приходской школе. *Фото В. Тихонова*

С. 3 - Музей «Тальцы». Усадьба Зарубина. 1929 г.

Фото В. Тихонова

С. 4 - Кижский архитектурный ансамбль. *Фото В. Ларионова*

Подписано в печать 17.12.01. Формат 60X90 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 5,12. Тираж 1000 экз.

Заказ № . Цена свободная.

Отпечатано в типографии ОАО НПО «Облмашинформ»
г. Иркутск, ул. Советская, 109 «Б»

НАВИГАЦИОННЫЕ ШКОЛЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVIII ВЕКЕ

Александр Рудольфович Артемьев,
 доктор исторических наук,
 зав. лабораторией Института истории,
 археологии и этнографии народов
 Дальнего Востока ДВО РАН,
 г. Владивосток

Первая навигацкая школа в России была учреждена по указу Петра I от 14 января 1701 г. в Москве. В эту школу принимались дети бояр, дворян, дьяков и дьячков в возрасте от 12 до 17 лет, которых обучали арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии, геодезии, навигации и астрономии. Выпускники школы из дворян назначались почти исключительно во флот, а также кондукторами к генерал-квартирмейстеру, в помощники к инженерам, артиллеристам и архитекторам. Разночинцы выпускались писарями и мастеровыми в адмиралтейство.

Навигацкие школы в Сибири появились уже в послепетровское время. Однако и там их зарождение было прямым следствием задуманной Петром I Первой Камчатской экспедиции 1725 - 1730 гг., инструкцию руководителю которой В.И. Берингу сочинял сам император. Возвратившись из экспедиции, В.И. Беринг подал в апреле 1730 г. в Сенат записку о мерах по освоению Камчатского и Охотского краев, в которой, помимо прочего, предлагал: «Для морского пути обучать молодых казачьих детей всякому морскому обыкновению... сколько надлежит для проезду от Камчатки до Охотска. И ежели б оное учинилось, то б и отсюда посылать не надобно; а на всякое судно довольно по 12 или 13 человек для науки».

В ответ на это в инструкции от 10 мая 1731 г. Сибирский приказ предписал начальнику Охотского порта Г.Г. Скорнякову-Писареву открыть «нарочитую школу не для одной грамоты, но и для цифиры и навигации завести... и жалованье малое для содержания учеников давать, из чего могут люди к службе грамотные возрасть, а не дураками оставаться».

Однако Г.Г. Писареву в Охотске оказалось не до школы. Добравшись туда только к лету 1735 г., он сначала вступил в конфликт с участником Второй Камчатской экспедиции капитаном М.П. Шпанбергом, а затем и с прибывшим туда в 1737 г. начальником экспедиции В.И. Берингом. Кроме того, Писарев брал взятки, не выдавал жалования служилым людям нижних чинов, засекал их до смерти за любой проступок и разворовывал казенный ясак. В итоге императрица Анна Иоанновна указом Сенату от 13 апреля 1739 г. повелела назначить в Охотск бывшего обер-полицмейстера столицы А.М. Девиера, сосланного в Сибирь вместе с Писаревым, а последнего арестовать и отдать под суд.

Уже в 1740 г. новый начальник порта А.М. Девиер открыл школу для детей нижних чинов, назначив учителем в нее попа-расстригу Якова Самгина. Таким образом, ко времени получения в Охотске (16 апреля 1741 г.) высочайшего указа от 3 декабря 1740 г. об организации там школы в ней был 21 ученик. Указом предписывалось: «...в Охотске, отобрав детей разных сословий 20 человек, не старше 12 лет, записать их в полную службу, с жалованием и хлебным довольствием и учить их грамоте, рисованию и арифметике». К сожалению, из-за отсутствия постоянных учителей Охотская школа работала с перерывами и оставалась цифирной, так как в ней обучали только грамоте и арифметике.

Ситуация в корне изменилась, когда губернатором Сибири стал бывший моряк генерал-поручик В.А. Мятлев. В 1755 г. В.А. Мятлев предписал находившемуся в Охотске штурману В.А. Хметевскому подготовить из числа учеников Охотской школы 10 человек «так, чтобы они, будучи в обу-

чении, могли для надобных здесь к мореплаванию служителей вступить в навигацкия науки». Почти одновременно 27 мая 1755 г. В.А. Мятлев послал указ иркутскому вице-губернатору И.И. Вульффу о немедленной отправке в Охотск необходимого количества арифметик, логарифмов, аспидных досок, меркаторских карт, плоских циркулей и одного квадранта. В 1756 г. все эти предметы были доставлены в Охотск, где во второй половине того же года наконец-то открылась навигацкая школа. Иркутская канцелярия предписала выплачивать тем ученикам, которые учатся только читать, - 1 рубль 80 копеек в год, тем, кто писать, - полторы копейки в день, а тем, кто будет обучаться арифметике, геометрии и тригонометрии, - по 2 копейки в день из штатных доходов Иркутской провинции.

В 1758 г. в Охотск на учительские должности были присланы два выпускника Иркутской навигацкой школы. В 1760-х гг. в Охотской школе преподавали такие опытные мореходы, как лейтенанты И. Синдт, Юрков, штурман Кожевин, подштурманы Софьин и М. Неводчиков.

Благодаря этим мероприятиям Охотская навигацкая школа с переменным успехом существовала до начала 1770-х гг., а в 1789 г. бедствовавшие там из-за отсутствия преподавателей и жалования ученики окончательно разбежались. Однако активные действия коменданта Охотска полковника Г. Козлова-Угренина позволили возобновить финансирование школы. Очередная смена начальника порта привела к новому запустению школы, где в 1801 г. шесть навигацких учеников остались без преподавателей. К счастью, уже в декабре того же года Адмиралтейств-коллегия назначила начальником порта капитан-лейтенанта Башуцкого, которому было предписано заняться школою, куда был командирован штурман для преподавания морских наук. В дальнейшем Охотская школа пережила еще несколько периодов упадка и возрождения, просуществовав до 1870 г. Несмотря на многочисленные трудности, она в годы удачного функционирования регулярно поставляла на службу штурманов, штурманских помощников, штурманских учеников, писарей и баталеров.

Не менее сложно проходило становление Якутской навигацкой школы. В.И. Беринг, будучи в 1734 г. проездом в Иркутске, нанял учителем в нее ссыльного протонотариуса Юстиц-коллегии Гейдерейха. Последний прибыл в Якутск в 1736 г. и в течение трех лет оставался там без дела, поскольку в школу не явилось ни одного ученика, хотя подготовительная «Русская школа», где обучали читать и писать, функционировала в городе уже в 1735 г. Ситуация изменилась в 1739 г., когда в Якутск прибыл советник Адмиралтейств-коллегии В.И. Ларионов. Он приказал добавить к обучающимся в «Русской школе» 26 ученикам всех казачьих детей в возрасте от 6 до 15 лет, которых набралось 84 человека, и из них через два года 25 наиболее способных были определены в навигацкую школу. К этому времени выяснилось, что Гейдерейх не в состоянии преподавать морские науки, и учителями стали назначаться лица, служащие в Якутске. Однако из-за отсутствия оплаты учителям школа просуществовала всего пять лет. Только почти через 20 лет, в 1764 г., якутский воевода Ф. Чередов обратился к иркутскому губернатору с представлением о ее возобновлении.

В 1766 г. в школу набрали 40 учеников, прислали учителя, книги и инструменты. Учитель вскоре умер, и его место занял штурманский ученик Турчанинов, преподававший в школе с перерывами до 1783 г. В том году уже женатые ученики подали прошение иркутскому губернатору об определении их на службу или об увольнении, ввиду своего бедственного положения и незнания сержантом Турчаниновым, что преподавать дальше. В итоге ученикам совсем прекратили выплату жалования. После семи лет бесплодной переписки генерал-губернатор распорядился в 1791 г. из-за отсутствия средств произвести трех старших учеников в сержанты геодезии, а остальных распределить по другим должностям. В 1792 г. школа была закрыта.

Иркутская навигацкая школа была открыта 1 августа 1754 г. по инициативе сибирского губернатора В.А. Мятлева. Ее основание было связано с организацией Секретной Нерчинской экспедиции 1753 - 1765 гг. Эта экспедиция явилась непосредственным продолжением деятельности Вто-

рой Камчатской экспедиции, закрытой в 1743 г., и, так же как она, остро нуждалась в специалистах. Целью экспедиции было открытие судоходства по Амуру для снабжения Охотского и Удского острогов и строительство на верфи в устье реки не менее трех фрегатов для обследования земель, лежащих к востоку от Камчатки. Для ее осуществления указом от 22 июля 1753 г. № 204 Сенат предписал иркутской провинциальной канцелярии завести в Иркутске, а главное - в Нерчинске навигацкие школы для обучения в них геодезии и навигации детей дворянских, сыновей боярских, морских, адмиралтейских, солдатских и казачьих сколько будет нужно за счет доходов Иркутской провинции. Первым преподавателем в школе стал И. Бритов, посланный туда адмиралтейством младшим учителем с годовым жалованием в 120 рублей. Старший учитель - Семькин - умер в дороге. Начальником школы сенатским указом от 28 декабря 1753 г. был назначен с окладом 300 рублей в год служивший прежде во флоте чиновник седьмого класса Есипов. Прибыв в Иркутск, И. Бритов, вместе с руководителем Нерчинской экспедиции Ф.И. Соймоновым, отобрал для школы 32 ученика, каждый из которых стал получать по копейке в день жалования и казенный провиант. В программу обучения входили арифметика, черчение, геометрия, геодезия, архитектура, судостроение и мореходство.

Указом Адмиралтейств-коллегии от 14 августа 1755 г. вместо умершего учителя Семькина в Иркутскую школу был назначен поручик А. Юсупов. С ним из Санкт-Петербурга были отправлены: 2 арифметики, 180 досок аспидных, 200 шкал планных, 100 шкал гантирных, 50 секторов, 20 книг о пользовании секторами, 200 меридиональных таблиц, 100 плоских и меркаторских карт, 2 сборника «элементов эвклидовых с архимедовыми теоремами», 4 книги полного собрания о навигацких науках в трех частях с фигурами, 2 измерительных цепи, 2 теодолита, 200 циркулей и 200 логарифмов. Половина этих учебников и инструментов была оставлена в Иркутске, а другая с учителем Юсуповым отправлена в 1756 г. в Нерчинск.

Нерчинская навигацкая школа была основана Ф.И. Сой-

моновым в 1754 г., и первые два года он преподавал там основы морского дела. Первоначально в ней обучалось 35 учеников по той же программе, что и в Иркутской школе. После назначения Ф.И. Соймонова в 1757 г. сибирским губернатором он поручил школу своему сыну М.Ф. Соймонову. К тому времени в ней обучалось уже 59 человек. Позже ее возглавляли капитан П. Бегунов, а с 1759 г. И. Бритов, посланный туда вместо пьянствующего А. Юсупова. 17 июня 1765 г. по высочайшему указу Секретная Нерчинская экспедиция была упразднена, а вместе с ней и навигацкая школа, которую предписывалось соединить с Иркутской. 19 октября 1765 г. И. Бритов прибыл в Иркутск с 39 учениками и принял школу, которой с 1756 г. вместо умершего Есипова заведовал штурман М. Татаринев, под свою команду. За время существования Нерчинской школы в ней обучалось 140 человек, из которых 3 поступило в секретную экспедицию, 6 было отправлено в Охотск на штурманскую работу, 36 определено в горное ведомство, 23 - в драгуны, 13 - на нерчинские заводы, 7 за неспособностью к наукам отдано в обучение мастеровым, 8 отчислено по болезни, 5 умерло, а 39 переведено в Иркутскую школу навигации и геодезии.

За немногим большее время, с 1754 по 1768 г., Иркутская навигацкая школа выпустила 142 человека. Один из них был направлен на обучение в школу японского языка, 16 человек - штурманами в Охотск, 15 - в горные чины, 5 - в подмастерья ластовых (речных) судов, 6 - в экспедицию капитан-лейтенанта П.К. Креницина, один - в медицинские чины, 36 - в канцелярию Нерчинского горного ведомства, 6 - геодезистами в Охотск и Анадырск, 23 из-за неспособности к наукам переведены в карабинеры, а 28 - в казаки. Еще 5 человек умерло.

4 декабря 1768 г. иркутский губернатор А.И. Бриль доложил Сенату, что в школе преподает 1 учитель, учеников геодезии - 1, круглой навигации - 5, астрономии - 2, сферики - 1, меркаторской навигации - 15, тригонометрии - 2, геометрии - 3, арифметики - 23, письма - 2. В той же записке губернатор изложил свое мнение о количестве необходимых для школы преподавателей и учеников по каждой из специ-

альностей. Свои предложения А.И. Бриль обосновал необходимостью геодезической съемки и описания почти неизученных окраин огромной Иркутской губернии и в частности Якутского уезда. Кроме того, он подчеркивал необходимость подготовки кадров на суда для Охотского порта и на разные должности для нерчинских заводов. Однако поскольку «учитель Бритов в морской практике сам никогда не бывал, то необходимо иметь в Иркутске одного флотского офицера, который бы мог с учениками на Байкале плавать, для практики, на казенных судах». Тем не менее Сенат не утвердил всех предложений губернатора и ограничился разрешением не закрывать школу до особого распоряжения.

Тем временем 25 сентября 1770 г. умер преподаватель И. Бритов, и школу снова возглавил М. Татаринов, вызванный из-за Байкала, где он был занят постройкой судов на реках Хилок и Селенга.

28 июня 1771 г. Адмиралтейств-коллегия предписала выслать из Иркутской навигацкой школы в Санкт-Петербург 10 учеников, окончивших курс, для определения штурманами во флот, которые и были отправлены 29 ноября того же года. По указу от 15 февраля 1772 г. туда было отправлено еще 10 человек. Те из них, которые хорошо писали, были оставлены в Адмиралтейств-коллегии приказными, а остальные направлены в штурманскую роту в Кронштадт для окончания курса обучения. Кроме того, с разрешения Сената в геодезисты было определено 7 учеников, в Охотск штурманами - 3, подштурманами - 3, штурманскими учениками - 3 и на суда Российско-Американской компании - 2.

После выпуска этих учеников М. Татаринов укомплектовал школу новыми учениками. В 1777 г. в ней находились прикомандированными по выпуску из школы: 5 старших сержантов геодезии, 12 младших сержантов, 9 унтер-офицеров, 7 капралов и 20 штатных учеников. За столь быструю подготовку учеников М. Татаринов 27 февраля 1776 г. был произведен в секунд-майоры.

В 1777 г. по представлению М. Татаринова иркутский губернатор Ф.Г. Немцов возобновил начатую А.И. Брилем переписку с Сенатом об увеличении штата Иркутской школы.

На этот раз прошение было удовлетворено, и в том же году новый штат школы на 40 учеников был утвержден. В 1782 г. в школе состояло 22 сержанта, 9 унтер-офицеров, 1 прапорщик и 28 учеников.

18 июня 1784 г. секунд-майор М. Татаринов умер, и навигацкая школа перешла в ведение секунд-майора графа Сойки, который в 1785 г. сдал ее под начало заведующего Иркутским адмиралтейством лейтенанта Юрлова, умершего 29 сентября 1791 г. Преподавали в ней губернский землемер капитан И. Протопопов и байкальский штурман в ранге прапорщика А. Пушкарёв. Прием новых учеников в школу прекратился, а старых постепенно выпускали. В 1784 г. было выпущено в приказные - 3 ученика; в 1785 г. в приказные также 3 человека, в адмиралтейские должности - 2 и в уездные землемеры - 1; в 1786 г. на штурманские должности в морские экспедиции - 10, в уездные землемеры - 4, в адмиралтейство - 1, в сержанты - 1, за плохое поведение в солдаты отдан 1 и выгнан «за непонятием наук» 1. В 1787 г. в штурманы на Байкал было выпущено 2 ученика; в 1790 г. в военную службу - 1, в 1791 г. в Охотск штурманами - 5, в землемеры - 3, в форшмейстеры - 1, переведен в школу переводчиков с японского языка - 1, выбыл по болезни - 1, в 1792 г. в землемеры - 2; в 1794 г. в приказные служители - 2, в землемеры - 1; в 1795 г. в землемеры - 1 и в 1799 г. также в землемеры - 1. Умерло с 1784 по 1805 г. 3 ученика. В 1805 г. в школе осталось всего 10 геодезистов и 7 учеников.

Тем временем изменился и статус школы, которая в 1795 г. за отсутствием учителей была присоединена к главному народному училищу, открытому в Иркутске в 1787 г. В 1797 г. геодезисты и навигацкие ученики были переведены из военных чинов в гражданские, а 12 ноября 1805 г. в день открытия Иркутской гимназии зачислены в нее, куда стали поступать и средства, отпускаемые на содержание навигацкой школы. В таком состоянии, практически утратив свое первоначальное назначение, школа просуществовала до 1835 г., когда ученики геодезии были распущены.

Подводя итоги вышеизложенному, можно заключить, что, несмотря на организационные трудности, навигацкие школы

в Восточной Сибири выполнили свою функцию по обеспечению региона необходимыми кадрами специалистов и сыграли важную роль в становлении там системы специального и общеобразовательного обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьев А.Р. Секретная Нерчинская экспедиция 1753 - 1765 гг. и археологическое изучение Нерчинска // Вестник ДВО РАН. - Владивосток, 1996. - № 2.
2. Гольденберг Л.А. Каторжанин - сибирский губернатор: Жизнь и труды Ф.И. Соимонова. - Магадан, 1979.
3. Изгачев В.Г. Нерчинская навигацкая школа в XVIII в. // Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР. - Владивосток, 1968. - Т. 6.
4. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII - начала XIX в. - Новосибирск, 1974.
5. Русская Тихоокеанская эпопея. - Хабаровск, 1979.
6. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. - М., 1948.
7. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сборник документов. - М., 1984.
8. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: Сборник документов. - М., 1989.
9. Сгибнев А. Навигацкие школы в Сибири // Морской сборник. - СПб., 1866. - Т. LXXXVII. - № 11.
10. Сенатский архив. - СПб., 1901. - Т. 9.
11. Соколов А.П. Навигацкая школы в Сибири // Записки географического департамента Морского министерства. - СПб., 1850. - Ч. VIII.
12. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып. 1: Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703 - 1917 гг. - Новониколаевск, 1923.

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИРКУТСКЕ В XVIII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Марина Валерьевна Кузнецова,
*кандидат исторических наук, доцент
Иркутского государственного
университета*

О развитии профессионального образования в России заботилось, наряду с другими, и военное ведомство. Со времен Петра I оно стремилось к подготовке квалифицированных военных кадров. В 1721 г. был издан указ об обучении солдатских детей в гарнизонных солдатских школах. Солдатские школы возникали при гарнизонных полках для детей низших военных чинов, куда поступали дети «не ранее 7-летнего возраста», там они учились читать, писать, некоторые, по выбору, обучались артиллерии, фортификации, пению и музыке, слесарному мастерству или письмоводству, ремеслам. По достижении 15 лет они определялись на военную службу. С 1765 г. в гарнизонные школы было разрешено принимать и детей офицеров [9, с. 247].

В 1732 г. последовал указ о повсеместном учреждении гарнизонных школ. Во исполнение этого указа открывались школы и в сибирских городах - Тобольске, Омске, Томске, Якутске, Селенгинске. В 1750 - 1760-е гг. такая школа была создана в Иркутске. Это было элементарное военное учебное заведение для солдатских детей, где обучали военному делу, грамоте, различным ремеслам. Выпускники гарнизонных школ обычно назначались на низшие командные, канцелярские и хозяйственные должности в армии, иногда использовались на гражданской службе. Преподавателями были офицеры, выпускники геодезических и гарнизонных школ. Гарнизонная школа в Иркутске открылась приблизительно в одно время с навигационной, первоначально они размещались в одном здании. Появление военной школы стало важным моментом

в истории просвещения, были созданы учебные заведения, находящиеся в ведении не церкви, а государства.

Под разными названиями (казачьи, пограничные, военно-сиротские отделения) гарнизонные школы существовали в Сибири на протяжении XVIII - XIX вв., имея существенное количество учащихся. Несмотря на элементарность обучения и казарменный режим, школы играли положительную роль, давая значительный процент грамотных людей. С 1798 г. Иркутская гарнизонная школа, насчитывавшая около 150 человек, стала называться военно-сиротским отделением, как и другие 65 военных учебных заведений России, где обучались и воспитывались дети с семилетнего возраста, от 50 до 100 человек в каждом отделении. Для управления преобразованными заведениями при военной коллегии была учреждена «особая экспедиция о военно-сиротских отделениях» [9, с. 248]. Местное управление поручалось военным губернаторам и комендантам.

Дети обучались «грамоте, арифметике, барабанщичьей науке, играть на флейте... по субботам... читать Высочайший устав о военной службе и воинский артикул» [9, с. 249].

В 1805 г. всем обучающимся в военно-сиротских отделениях было присвоено звание военных кантонистов. С 1824 г. все они были разделены на три возраста: «меньшой» (до 10 лет), средний (от 10 до 15 лет), большой (от 15 до 18 лет). Младшие кантонисты отдавались на воспитание родителям, родственникам. Обучение грамоте начиналось со вступления в средний возраст, дети могли оставаться дома и посещать классы. Старшие ученики обязаны были находиться в отделениях. Обучение солдатских детей в гражданских учебных заведениях запрещалось, только с 1848 г. было разрешено принадлежавшим военному ведомству солдатским сыновьям обучаться в приходских училищах. По правилам 1824 г. кантонисты каждого отделения разделялись на две смены, ходили в классы через день. Смена, свободная от классных занятий, работала в мастерских - малярной, сапожной, слесар-

М.А. Васильев. Портрет М.М. Сперанского, генерал-губернатора Сибири. 1820 г. Иркутский областной художественный музей

кантонисты выпускались на службу рядовыми в учебные карабинерские полки и затем, по обучении фронту, переводились в армию унтер-офицерами [9, с. 252]. В батальоны военных кантонистов могли поступать по особым просьбам дети дворян и обер-офицеров. В начале XIX в. военно-сиротские заведения насчитывали 16 400 человек солдатских детей [14, с. 87]. К 1855 г. во всех заведениях военных кантонистов России находилось 36 тысяч человек [9, с. 253].

Военная школа Иркутска имела некоторые особенности. На базе Иркутского военно-сиротского отделения в 1819 г. при поддержке и по инициативе генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского, будущего декабриста Г.С. Батенькова и коменданта г. Иркутска И.Б. Цейдлера была учреждена первая в Сибири ланкастерская школа. Ланкастерский метод обучения был в то время нов для России и оказался очень популярным. Благодаря открытию ланкастерской школы Иркутск оказался «на одном уровне со

ной и др., летом - на огороде.

В начале второй четверти XIX в. из военно-сиротских отделений были сформированы батальоны (тысяча человек), полубатальоны (500 человек), роты (250 человек) военных кантонистов. В каждой роте полагалось десять учителей унтер-офицерского звания. Кантонисты обучались Закону Божьему, письму, чтению, российской грамматике, арифметике, ситуации, геометрии, рисованию, военно-уголовным законам и воинским вопросам. По достижении 18 лет

столицами и далеко впереди других городов в деле народного образования».

Ланкастерские школы, основанные на методе взаимного обучения, в начале XIX в. получили большое распространение в Западной Европе вследствие быстроты и дешевизны овладения начальной грамотой широкими слоями населения. Основной принцип ланкастерской системы - широкое использование «старших» учеников, которые обучали менее подготовленных товарищей. Школы могли содержать до тысячи учащихся. Программа была проста, обучение носило механический характер, но успехи учащихся были налицо. Ланкастерская система проникла и в Россию, где нашла поддержку среди определенных кругов общества, в частности, в среде либерального дворянства с его теорией о «неравенстве образования» вследствие «неравенства состояния»: ланкастерские школы являлись школой «простонародья». Метод взаимного обучения, обещающий вывести Россию из состояния безграмотности, становился центром общественного внимания. Было создано специальное общество для учреждения училищ взаимного обучения, куда вошли прогрессивные люди: Ф.П. Толстой, Ф.Н. Глинка, В.К. Кюхельбекер, Н.И. Греч. Близок к ним был и М.М. Сперанский. Ланкастерская система пользовалась особой популярностью в военных училищах. Однако связи между ланкастерскими школами и политическим движением оказались слишком явными, что вызвало недовольство правительства, школы закрывались.

Выдающийся государственный деятель М.М. Сперанский, находясь на службе в Сибири, осуществил либеральные реформы, коснувшиеся многих сторон жизни общества; его энергичная деятельность затронула и сферу культуры. Губернатор-преобразователь положил начало учреждению в Сибири благотворительных заведений, которые были открыты в Томске, Тобольске, Иркутске. В Иркутске открылось благотворительное собрание [8, с. 13]: «Завели собрание, где раз в неделю по воскресеньям танцуют... учредили и в пользу бедных благотворитель-

ное общество», - писал М.М. Сперанский дочери [13]. Он намеревался возродить в Иркутске изучение восточных языков, приобрел для предполагаемого училища 800 книг на монгольском языке [7, с. 531-532].

С первых дней пребывания в городе Сперанский занялся вопросами учреждения школы, основанной на методе взаимного обучения. «Учредили и на сих днях открыли ланкастерскую школу; по счастью, со мной была книжка по сей методе, и все вскипело», - писал Сперанский дочери. А.И. Тургенев сообщал князю Вяземскому: «Получил я письмо от Сперанского из Иркутска, он говорит мне о немецких книгах... Заводит там и школу взаимного обучения, и на следующей почте посылаю я ему таблицы наши» [4, с. 335. Тургенев А.И. - русский общественный деятель, публицист, брат декабриста Н.И. Тургенева, друг П.А. Вяземского, А.С. Пушкина]. «С пособием здешнего коменданта Цейдлера заводим школу взаимного обучения и надеемся открыть ее на сих днях. Здесь есть военно-сиротское отделение, для удобства начинаем с него», - писал Сперанский Голицыну 18 сентября 1819 г. [12].

Значение Цейдлера в этом деле Сперанский оценивал в письмах к нему от 7 февраля 1820 г.: «При обозрении классов взаимного обучения из воспитанников Иркутского военно-сиротского отделения с удовольствием я видел отличные их успехи. Классы взаимного обучения вам обязаны здесь своим учреждением Вашим деятельным и благоразумным попечением, невзирая на все трудности местного положения, изысканы способы и приведены в действие. Успехи превзошли все ожидания. В течение не с большим трех зимних месяцев, невзирая на краткость дней, весьма неудобных к обучению, при жестоких морозах, препятствовавших детям собираться прежде 11 часов утра в отведенных для сего помещения залах, при позднем доставлении сюда печатных табелей и при недостатке многих учебных пособий - 50 человек воспитанников достигли в сие время 6-го класса и из 219-ти человек во всех шести классах ныне состоящих, каждый

класс достиг в степени учения успехов, превышающих всю соразмерность времени ожидания. Еще решительнее открылись преимущества сей методы в обучении взрослых унтер-офицеров и рядовых Иркутского гарнизонного полка. В течение 2 месяцев я нашел их уже в 4 классе и в состоянии не только читать правильно и довольно плавно, но и писать с голоса...». Далее автор подчеркивает значение «попечительности не только в общих распоряжениях по военно-сиротскому отделению, но и ежедневному надзору и непрерывному

М.И. Песков. Портрет И.Б. Цейдлера, гражданского губернатора Иркутска. 1854 г. Иркутский областной художественный музей

руководству во всех его подробностях» Цейдлера (Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 731, д. 1972).

Для участия в деле открытия классов взаимного обучения Сперанский привлек энергичных людей. Г.С. Батеньков, будучи на службе в Сибири, стал одним из наиболее деятельных помощников генерал-губернатора. Он был приглашен «содействовать учреждению школы». Батеньков приготовил специальные таблицы, необходимые при обучении этим методом, и способствовал обучению геометрии. Таблицы были одобрены Сперанским, напечатаны в губернской типографии (около 50 экземпляров; впоследствии Батеньков называл их «замечательным учебником из числа составленных им для первой в Сибири ланкастерской школы» [2, с. 145-146]. Таким образом, Батеньков принимал участие в разработке учебных пособий, Цейдлер занимался вопросами организации школы.

Во вновь открытой шестилетней школе обучалось 219

детей, из которых более четверти за три месяца прошли почти весь курс - достигли шестого класса, а взрослые кантонисты за два месяца освоили половину программы. Имеются количественные данные об учителях и кантонистах Иркутского полубатальона военных кантонистов за 1825 - 1840 гг. Наибольшее количество кантонистов было в 1825 - 1830 гг.: 576 - 756 человек, к 1840 г. оно сократилось до 196 человек, количество учителей увеличивалось, к 1831 г. количество учащихся на одного учителя составило 25 - 26 человек, а в 1825 - 1827-е гг., благодаря применению ланкастерского метода, который оказался необходимым для всеобщего обучения кантонистов, оно было равным 106 - 152 человекам. Уже в начале 1830-х гг. с увеличением количества учителей ланкастерский метод, очевидно, потерял свою актуальность. Система взаимного обучения, доказав эффективность в подготовке элементарно грамотных людей, нашла применение в приходских и уездных училищах, была введена в Иркутском Сиропитательном доме Е. Медведниковой в первое время его существования (ланкастерский метод применялся при обучении детей первой смотрительницей Сиропитательного дома А. Спасской) [6, с. 167]. Возраст кантонистов составлял от 7 до 22 лет (Государственный архив Иркутской области /ГАИО/, ф. 50, оп. 6, д. 31).

С преобразованием батальона военных кантонистов обучение проводилось по так называемой системе нераздельного труда: «кантонисты обязаны были в течение недели перебивать посменно партиями в классах, мастерских, на фронтовых учениях и т. д., т. е. занимались всем, но усваивали мало» [3, с. 339-343].

Заведения военных кантонистов преследовали следующие цели: призрение солдатских детей, подготовка профессиональных кадров для армии, учебных войск, управлений. К этим заведениям обязательно причислялись все солдатские дети, кроме того, воспитанники Приказа общественного призрения, дети бродяг, цыган. Материальное положение заведения военных кантонистов было достаточно трудным. Выпускники распределялись в военное ведом-

ство и на гражданскую службу, в частности на землемерские должности. В учебном заведении преподавались общеобразовательные, специальные предметы, церковное учение, на публичные экзамены приглашалось духовенство (ГАИО, ф. 587, оп. 1, д. 124). Уровень общего образования соответствовал низшей школе.

В 1859 г. были открыты училища военного ведомства на основании Положения 1858 г. о преобразова-

нии кантонистских батальонов в военные училища трех разрядов, от 150 до 800 человек. В результате данной реформы расширилась программа обучения, ставшая равной, а в некоторых случаях даже выше курса уездных училищ. Курс обучения состоял из четырех классов с пяти-шестилетним сроком: первый класс (приготовительный, 2 года), второй класс (нижний, 1 год), третий класс (средний, 1 год), четвертый класс (верхний; писарский - 1 год, кондукторский, топографский, учительский - 2 года).

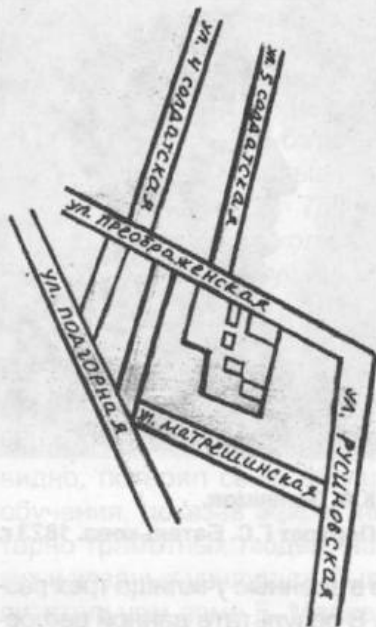
Во вновь образованные училища поступали, по желанию родителей и родственников, на полное содержание дети дворян, чиновников, канцелярских служащих, лиц духовного звания от 12 до 16 лет, дети старше 14 лет должны были уметь читать и писать, солдатские дети могли поступать с десятилетнего возраста. Предметами преподавания были Закон Божий, русский язык, арифметика, геометрия, алгебра, история, география, законоведение, чистописание - общие для всех воспитанников; геометрия (начертательная и прямолинейная), строительное искусство, фортификация, общие понятия об артиллерии, фортификационное черчение - для кондукторов; топография, триго-

К.А. Зеленцов.

Портрет Г.С. Батенькова. 1823 г.

Фрагмент плана г. Иркутска 1868 - 1872 гг. Участнические казармы. Здесь находилось училище военного ведомства. Казармы располагались по улице Преображенской (ныне ул. Тимирязева) между улицами Русиновской (ныне Байкальская) и 5-й Солдатской (ныне Богдана Хмельницкого). *Иркутский областной краеведческий музей*

Учителями военных училищ были военные, а также вольнонаемные, окончившие гимназии и другие учебные заведения.

Учителями военных училищ были военные, а также вольнонаемные, окончившие гимназии и другие учебные заведения.

В 1858 г. вышел указ военного министра об открытии в Иркутске училища военного ведомства с 50 вакансиями для казачьих детей. В январе 1859 г. такое училище было от-

нометрия - для топографов и учителей; гравирование и словорезание - для гравировщиков и словорезов [11, с. 42-46]. Таким образом, школа готовила специалистов военно-сухопутного ведомства, которые должны были прослужить по окончании обучения от 10 до 12 лет. Выпускники выходили на службу по трем разрядам: первый (высший), второй (средний), третий (низший). Воспитанники, получившие на выпускных экзаменах не менее 41 балла, выпускались на службу во второй разряд, прочие - в третий разряд; первый разряд приобретался уже на службе.

Государство определило каждому воспитаннику 5-7 копеек серебром в сутки на питание, от 1,5 до 3,5 рублей серебром в год на учебные пособия. Дети беднейших родителей имели возможность обучаться и получить

крыто и находилось под особым заведованием управления училищ в Петербурге, директором был определен И.В. Поротов, инспектором - М.В. Загоскин. Иркутское училище должно было готовить писарей для военно-сухопутного ведомства.

В Иркутском военном училище в 1861 г. обучалось 125 человек (первоначально предполагалось 250), большинство из них составляли дети военных и казаков: 28 человек - дети военных низших чинов, 61 - дети казаков, 35 - дети дворян и чиновников военных и гражданских, один человек - из духовного ведомства (военное училище помещалось в Доме участнических казарм на ул. Преображенской, между Русиновской и 5-й Солдатской). Воспитанники обучались в трех классах: пригготовительном, нижнем, среднем; предполагалось открыть высший класс. Училище имело библиотеку, в которой были все необходимые пособия, журналы, книги русских и западноевропейских писателей. Для преподавания приглашались учителя из гимназии, обучение шло на достаточно высоком уровне, между наставниками проводились педагогические беседы по обмену опытом, применению новых методов преподавания [3, с. 339-343]. По уровню общего образования это была повышенная школа. Начальником училища в это время был В.Ф. Хелмицкий, инспектором классов - М.В. Загоскин, учителем - А.Е. Юрьев, прикомандированный к Петербургскому училищу [10, с. 51].

В 1858 г. вышел указ военного министра о перемещении управления начальника артиллерии Восточной Сибири из Верхнеудинска в Иркутск и об учреждении там дивизионной артиллерийской школы. В 1859 г. было утверждено положение Сибирского комитета об открытии сотенных школ в Иркутском и Енисейском конных казачьих полках [11, с. 19, 48]: 2 - в Иркутском, 6 - в Енисейском [1]. Действительно, в Иркутске была создана казачья полковая школа [5], однако о ее деятельности нам ничего не известно. Более того, на существование учебного заведения при «казачьих командах» указывает документ, датированный 1829 г. (Санкт-Петербургское отделение Архива Российской

академии наук, ф. 27, оп. 1, д. 105): в 1829 г. в Иркутске было два учебных заведения военного ведомства - при батальоне военных кантонистов и при казачьих командах. Количество учащихся составляло 709 человек при 17 учителях. При батальоне военных кантонистов в 1829 г. находилось 680 учащихся и 12 учителей, следовательно, в школе при казачьих командах было 29 учащихся и 5 учителей. К сожалению, нам ничего более не известно об этом небольшом учебном заведении - школе низшего уровня.

В 1860-е гг. начался новый период в развитии военного образования России, были проведены реформы, в результате которых на базе военных училищ открылись военные прогимназии в 10 городах и в Иркутске.

По развитию военного образования Иркутск в XVIII - первой половине XIX в. не уступал другим сибирским городам, за исключением Омска, где в 1813 г. было открыто войсковое казачье училище, в 1845 г. преобразованное в среднее военно-учебное заведение - Кадетский корпус, который стал одним из лучших в России средних учебных заведений. К 1820 г. в Омском войсковом училище обучалось 300 учеников, в Иркутском военно-сиротском отделении, благодаря ланкастерской системе, - 219 детей и еще некоторое количество взрослых военнослужащих. Ланкастерский метод, прогрессивный для своего времени, позволял быстро обучить большое количество людей, его применение в сфере образования выдвинуло Иркутск вперед по сравнению с другими городами. Обучение в Омском войсковом училище приближалось к гимназическому уровню: преподавались иностранные языки, физика, ветеринария, военные науки и другие предметы. В 1858 г. училища военного ведомства открылись в Москве, Петербурге, Казани, Нижнем Новгороде, а также в Архангельске (на 250 человек), Тобольске и Иркутске (на 200 человек). В 1861 г. в Иркутском военном училище обучалось, однако, только 125 человек, меньше, чем предполагалось.

Таким образом, Иркутск, как и Тобольск, к середине XIX в. имел военную школу повышенного уровня и военную школу низшего уровня, а в XVIII в. низшие военные

школы существовали в Иркутске, Омске, Красноярске, Тобольске, Томске, Якутске. Среднее военное образование появилось в Иркутске во второй половине XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амур. - 1860. - № 2.
2. Батеньков Г.С. Письмо Ф.Ф. Риддеру от 12 марта 1820 г. // Г.С. Батеньков. Сочинения и письма. Т. 1: Письма (1813 - 1856). - Иркутск, 1989.
3. Загоскин М.В. Несколько слов об училищах военного ведомства // Амур. - 1861. - № 43.
4. Из письма А.И. Тургенева кн. Вяземскому // Остафьевский архив кн. Вяземских. - СПб., 1899. - Т. 1.
5. Иркутские губернские ведомости. - 1859. - № 4.
6. Иркутский Сиропитательный дом Е. Медведниковой. - Иркутск, 1888.
7. Исторические сведения о деятельности гр. М.М. Сперанского в Сибири. - 1819 - 1822 гг. Собраны В. Вагиным. - СПб., 1872. - Т. 2.
8. Казанские известия. - 1820. - № 4.
9. Лалаев М. Наши нисшие школы военного ведомства и близкие к ним, по стоимости содержания, интернаты других ведомств // Педагогический сборник, изданный при главном управлении военно-учебных заведений. - СПб., 1866. - Кн. 3.
10. Памятная книжка для Иркутской губернии на 1861 год. - Иркутск, 1861.
11. Романов Н.С. Иркутская летопись 1857 - 1880 г. - Иркутск, 1914.
12. Сперанский М.М. Письмо Голицыну от 18 сентября 1819 г. из Иркутска // Русский архив. - 1868.
13. Сперанский М.М. Письмо к дочери от 23 сентября 1819 г. из Иркутска // Русский архив. - 1868. - Стб. 1700.
14. Эймонтова Р.Г. Просвещение в России первой половины XIX века // Вопросы истории. - 1986. - № 10.

УЧЕБНЫЙ ГОД ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ ЗАБАЙКАЛЬЯ

*Анатолий Егорович Басалаев,
кандидат исторических наук, доцент
Забайкальского государственного
педагогического университета им.
Н.Г. Чернышевского*

Традиционными для русского народа школами являются церковные. В Забайкалье они получили широкое распространение после утверждения 13 июня 1884 г. императором Александром III «Правил о церковно-приходских школах». С 1886 г. школы начали работать по «Программе учебных предметов для церковно-приходских школ», утвержденной Святейшим Синодом.

Срок обучения в одноклассной школе правилами был определен в два года, в двухклассной - четыре. На самом деле в одноклассной он был три года, а в двухклассной доходил до пяти лет. Это положение было закреплено утвержденным 1 апреля 1902 г. положением о церковно-приходских школах, но и этого срока оказалось недостаточно. 8 апреля 1910 г. циркуляром Святейшего Синода в одноклассной церковно-приходской школе, где имелось не менее двух учителей, вводилось четырехлетнее обучение. Так церковная школа, а вместе с ней и мы пришли к четырехлетнему обучению.

Учебный год, как и сейчас, должен был начинаться с 1 сентября и заканчиваться в конце мая, с двухнедельными святочными каникулами. В отчете Иркутского епархиального училищного совета за 1887/88 учебный год (к нему относились забайкальские школы до 1894 г.) отмечалось, что «продолжительность учебного времени зависела от благоустроенности школы и составляла от 6 до 9 месяцев. Занятия начинались между 1 сентября и половиной октября и оканчивались между половиной апреля и концом мая. Многие дети покидали школу, «лишь научившись читать и пи-

сать порядочно», по мнению родителей, забиравших их «скорее на работу» [цит. по: 2, с. 10]. Не изменилась ситуация с началом и окончанием учебного года и через десять лет. Нерчинский уездный наблюдатель священник А. Николаев в 1902 г. отмечал, что «ученики до октября месяца обыкновенно наравне со взрослыми заняты полевыми работами и в мае месяце учеников также берут на работы, вследствие чего занятия приходится прекращать» (Государственный архив Читинской области /ГАЧО/, ф. 282, оп. 1, т. 2, д. 2922, л. 35 об.).

Русско-японская война, а затем первая русская революция 1905-1907 гг., неурожаи первых лет XX в. сильно подорвали материальное положение жителей Забайкалья. Они не стали оказывать той помощи церковно-приходским школам, которую те получали в первые годы после открытия. В результате учебный год становился еще короче, сейчас уже из-за отсутствия материальных средств. В 1905 г. в марте, начале апреля прошли выпускные экзамены в Верх-Читинской, Ульзутуевской, Елизаветинской, Уныкерской, Туринской, Верхне-Цасучеевской и других школах (ГАЧО, ф. 7, оп. 2, д. 364, л. 2). Забайкальский епархиальный училищный совет не раз обращал внимание на несвоевременность начала занятий, но навести порядок так и не смог.

Согласно программе учебных предметов для церковно-приходских школ 1886 г., недельное расписание одноклассных церковно-приходских школ выглядело следующим образом: Закон Божий - 7 часов, русский язык - 7 часов, арифметика - 6 часов, церковно-славянский - 4, церковное пение - 4, чистописание - 3 часа. В неделю полагался 31 урок, по пять в день. Занятия начинались с 9 утра и продолжались до 14 часов 15 минут местного времени [1, с. 38].

Ежедневно уроки начинались с утренних молитв. К ним относились: «Царю Небесный», «Святыи Боже», «Пресвятая Троица» и др. В учебнике «Часослов» порядок чтения этих молитв был. Правда, для сельской школы он был сокращенным. Считалось желательным, чтобы молитвы не читались, а пелись хором детей. На утренней молитве присутствовал наставник (законоучитель). Это мог быть заведующий

щий школой священник. При его присутствии начальный возглас молитв и отпуск (окончание) он должен был сделать сам. Первым уроком после молитвы был Закон Божий. В него входило изучение молитв, Священная история, объяснение богослужения, краткий катехизис. Во время богослужения и, по возможности, во все продолжение урока Закона Божия должна была гореть лампадка или восковая свеча перед классным образом.

После урока Закона Божия шло изучение других предметов. Между уроками полагались 15-минутные перерывы. Дети могли поиграть, отдохнуть на воздухе. Классная комната в это время проветривалась дежурными из числа учащихся. Кроме этого они должны были следить, чтобы в школе всегда было достаточно питьевой воды, чтобы одежда учащихся была развешана на вешалке, а сами учащиеся были опрятно одеты, умыты и причесаны. Учитель во время перерыва неотлучно находился с учащимися и всячески содействовал облагораживанию их нравов, отучая их от драчливых игр и грубых слов. Вообще он должен «приучать детей к порядку, точности, вежливости, благопристойности, воздержанию в словах и поступках, благодарности и строгому повиновению» [3, с. 395].

В воскресные, праздничные и другие торжественные дни дети обязаны были ходить в церковь к всенощной, литургии, вечерней и стоять там рядами близ солеи. Лучшие по поведению допускались к подаванию просфор и кадила, а хорошо умеющие читать допускались к чтению Апостола, часов, шестопсалмия и пению на клиросе. Вечером желательно было снова собраться в школу на молитву, но этого, как правило, не происходило. Так шли учебные дни, из них и складывался учебный год, который должен был заканчиваться выпускными или переводными экзаменами. Вот как они проходились.

7 мая 1896 г. состоялся экзамен в Куйтунской церковно-приходской школе. Из двух отделений (класс делился на младшее и старшее отделение) его сдавало 16 человек. Для проведения экзамена обязательно, согласно распоряжению епархиального наблюдателя церковно-приходских школ, со-

здавалась комиссия. В этом случае в состав комиссии вошли: заведующий школой местный священник Иосиф Барышевцев, учителя школы Романова и Копылова, учитель министерской школы соседнего села Залари Ловлев (ГАЧО, ф. 7, оп. 3, д. 71, л. 13 - 17 об.). Присутствовали родители некоторых сдающих экзамены учеников. Считалось, что при их присутствии достигается большая объективность в оценке учащегося. Находились здесь и представители местной интеллигенции. Экзаменовалось семь мальчиков и шесть девочек православного вероисповедания, один мальчик и две девочки иудейской веры. Естественным было то, что первый экзамен был по Закону Божию, ведь этот предмет был главным в церковной школе. Дети толково и сознательно рассказывали события из Священной истории Ветхого и Нового Заветов, отвечали заповеди, члены Символа Веры. Из ответов было видно, что в течение учебного курса детям был дан краткий, но точный и вполне законченный круг религиозно-православного христианского мирозерцания. При опросе не делалось различия между русскими и евреями, и последние на все вопросы давали православно-христианские ответы, ничуть не стесняясь присутствия своих родителей.

За Законом Божиим был экзамен по церковно-славянской грамоте. Все дети бойко читали и переводили на русский гражданский язык указанные места из Евангелия от Матфея, знали толкование таких непонятных слов, как «иже», «дабы», «яко», «аминь» и др. По русскому языку каждый из детей прочитал по стихотворению, а некоторые по два. Чтение сопровождалось вопросами по грамматике, отличию имен существительных от глаголов, определению падежей и др. Статьи для чтения выбирались небольшие, но незнакомые учащимся.

На устном экзамене по арифметике ученики отвечали на вопросы по мерам времени, веса, длины, сыпучих тел, решали по несколько устных задач. В заключение устного экзамена каждый из детей должен был пропеть предложенную ему молитву. Все дети, кроме еврейских, пропели их.

За устным экзаменом проводился письменный. Дети на-

писали под диктовку статью, выбранную учителем министерской школы Ловлевым. Самое большое количество допущенных ошибок было пять, а лучшие ученики сделали по одной грамматической ошибке. После диктанта ученики решали арифметические задачи и успешно с ними справились. Экзамен, проведенный в Куйтунской школе епархиальным начальством, был оценён высоко. Было видно, что учительницы Копылова и Романова много потрудились над привитием знаний своим ученикам.

В целом же по церковным начальным школам выпуск был небольшим. К примеру, в 1910 г. из 8407 учащихся выпустилось 615 человек, в 1912 г. из 8850 учащихся 922 человека (ГАЧО, ф. 7, оп. 2, д. 523, л. 1). Часто та или иная школа из года в год не делала выпуска. Случалось это по разным причинам: родители забирали детей преждевременно, считая, что те получили достаточно знаний, или отсутствовали необходимые средства на оплату обучения. Смена учителей и низкий уровень их методической и общеобразовательной подготовки не дополняли авторитета церковно-приходской школе.

Так проходил учебный год в церковно-приходских школах в Забайкалье, которые просуществовали до окончательного установления советской власти. Они занимали одно из ведущих мест в общей системе образования, по количеству школ и наполняемости учащимися то опережая министерские, то выравниваясь с ними.

Как видим, требования, предъявляемые к учащимся, были значительно выше, чем сейчас, а учебный год по своей структуре претерпел небольшие изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточное обозрение. - 1886. - 18 сентября.
2. Иркутские епархиальные ведомости. - 1889. - № 17.
3. Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному образованию. - СПб., 1899.

РАЗВИТИЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ У СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

*Ольга Борисовна Лыша,
кандидат исторических наук, доцент
Уссурийского государственного педагогического института*

Массовая школа появляется в Забайкалье в 1860-х гг., раньше чем где бы то ни было на Дальнем Востоке. Этому способствовало указание генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н.

Муравьева, данное в 1855 г., «в каждом селении выстроить училищный дом, нанять учителя и собрать детей в эти училища» [3, с. 162]. Генерал-губернатор считал «весьма полезным для края» увеличение числа приходских училищ и школ для образования крестьян, потому что это давало возможность подготовить писарей в волостные и сельские управления [8, с. 54].

Среди казачьего населения как наиболее организованного был введен школьный сбор, который создавал материальные предпосылки для развития школьного дела. В Забайкалье полковые и батальонные командиры выбирали наиболее способных мальчиков и приказывали родителям отсылать их в полковые и батальонные школы. По окончании курса ученики поступали сначала в станичные правления, в которых приучались к переписыванию бумаг, а затем уже назначались писцами в присутственные места.

Утилитарный подход к школе был характерен не только для чиновников, которые видели в грамотных людях прежде всего будущих полковых писарей, но и в целом для населения. Хотя в крестьянских селениях с 1855 по 1871 г. школы также открывались почти повсеместно, крестьяне не видели практического смысла в образовании. В июне 1868 г. был созван учительский съезд, одной из за-

дач которого было составление программ. Съезд решил ввести в школах обучение ремеслам и «начаткам сельского хозяйства». Таким образом «школа в глазах народа может приобрести то значение, которого она не имела, поскольку крестьяне всегда требуют уяснения себе практической пользы той или иной меры» [11, с. 12]. Современник писал: «Если общество и делает приговор об открытии училища, то это вовсе еще не значит, что большинство его членов действительно сознает необходимость этой меры. Это по большей части пока еще дело начальства, и, если исправник интересуется им, то от казаков, как и от крестьян и инородцев получают благоприятные приговоры, если же исправник относится к этому делу равнодушно, то никакие старания учебного ведомства не в состоянии открыть кошельки сельских обывателей» [3, с. 158].

В 1871 г. в Забайкалье насчитывалось 295 начальных школ с 9460 учащимися, а одно училище приходилось на 1460 человек [1, с. 117]. Это был достаточно высокий показатель, так как в европейской части страны даже 25 лет спустя (в 1896 г.) одно училище приходилось на 3510 человек [9, т. 3, с. 200-201]. В 1871 г. была проведена проверка забайкальских школ, которая выявила, что поселковые учителя, за немногими исключениями, сами малограмотны. Населению было объявлено, что дальнейшее содержание поселковых школ необязательно. Почти все школы были закрыты, осталось только десять [3, с. 166]. На примере закрытия забайкальских школ мы видим конкретное проявление политики Министерства народного просвещения (МНП) в этот период, направленной на сворачивание плохо устроенных сельских начальных школ. «Гораздо выгоднее для успехов народного образования, - писал министр просвещения Д.А. Толстой, - устраивать меньшее число училищ, но хороших и обеспеченных в материальном отношении, чем разводить множество плохих училищ, приносящих мало пользы и даже нередко вредных в том отношении, что они подрывают в обществе доверие к образованию» [14, с. 546]. Таким образом, имев-

шиеся в Забайкалье предпосылки к широкому распространению школ не получили своего развития. Как увидим далее, вновь такое же количество школ, как в 1860-е гг., появится в области лишь в начале XX в.

В 1872 г. в связи с преобразованием Забайкальского казачьего войска полковые и батальонные школы были переданы в ведение Министерства просвещения и переименованы в приходские училища. Так в Забайкалье впервые появились учебные заведения этого ведомства. Оценить это преобразование можно вполне положительно, так как государство оказало помощь населению в деле развития просвещения. Эта мера привела в течение 1870-х гг. к усиленному росту казачьих школ. Казачье население в это десятилетие оказалось в наиболее благоприятных условиях в плане получения начального образования. В 1880 г. на 140 тыс. человек казачьего населения приходилось 39 начальных училищ с 1115 учащимися, тогда как на 118 тыс. человек крестьянского населения Забайкальской области приходилось всего 21 училище с 420 учащимися [3, с. 186]. Для лучшего удовлетворения потребностей казачьего населения в начальных училищах выдвигался проект преобразования школьного дела в войске, по которому необходимо было открыть 67 одноклассных приходских училищ при каждом станичном или сотенном правлении и две двухклассные сельские школы с пансионом для сирот [там же, с. 188]. Постановка вопроса об открытии двухклассного училища в сельской местности вытекала из политики Министерства просвещения, нацеленной на создание единичных «образцовых» училищ. Эти начальные школы должны были «доставлять детям сельского населения возможность приобретать элементарное образование в более полном и законченном виде, сравнительно с другими сельскими начальными училищами» [14, с. 546]. В круг обычных предметов преподавания (Закон Божий, чтение, письмо, четыре действия арифметики) вводились также: история, география, естествоведение и черчение. Полный курс обучения в двухклассных училищах составлял пять лет, в одноклассных - не мень-

ше трех лет. Эти училища должны были стать «образцами для подражания» для сельских школ. Появление школ с более углубленными учебными программами, по сравнению с одноклассными сельскими училищами, которые давали не только элементарную грамотность, было шагом вперед. 7 марта 1879 г. Министерство просвещения приняло решение открыть двухклассное народное училище в Ундинской станице Забайкальской области с пансионом «для малолетков - беднейших сирот или детей совершенно бедных родителей казацкого сословия» [15, с. 978-979]. Двухклассное Ундинское училище было открыто в 1881 г. Вторым двухклассным училищем стала Селенгинская русско-монгольская школа для детей казаков-бурят. В 1888 г. эта школа была преобразована в двухклассное городское училище.

В целом проект преобразования школьного дела в Забайкальском казачьем войске оказался неосуществленным. Имеющиеся в отчете приамурского генерал-губернатора сведения о существовании 70 казачьих школ в 1881 г. следует признать ошибочными (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока /РГИА ДВ/, ф. 702, оп. 1, д. 11, л. 21). В 1880-х гг. число казачьих школ не превышало 47. В это десятилетие рост казачьих школ останавливается. В 1891 г. насчитывалось 45 казачьих школ. Прекращение роста казачьих школ, принадлежащих Министерству просвещения, можно связать с общей тенденцией снижения числа открываемых министерством школ в конце 1880-х - начале 1890-х гг. (Усиленная поддержка правительством церковно-приходских школ с 1884 г. повлияла на рост числа учащихся собственных министерских школ: за все десятилетие 1885 - 1895 гг. число учащихся министерских школ увеличилось лишь на 27 %, тогда как с 1871 по 1885 г. оно увеличилось на 130,7 %) [13, с. 60, 62]. Тем не менее, если рассматривать развитие просвещения в казачьей среде на фоне развития просвещения остального населения Забайкалья, то становится очевидным, что у казаков оно в течение второй половины XIX в. развивалось гораздо динамичнее. Надо признать,

что этому способствовало не столько стремление населения к знаниям, сколько административные меры («приказание» 1855 г., передача в 1872 г. казачьих школ в ведение МНП). В 1897 г. грамотность населения по отдельным казачьим округам достигала 57 %, тогда как в целом по Забайкальской области она составляла 17 % [18, с. 159].

Неудовлетворительное состояние школьного дела у крестьян современники объясняли тем, что его организация находилась в ведении управления хозяйственными делами областного правления. На этом учреждении лежало много обязанностей, и оно не имело возможности заботиться о распространении народной грамотности [3, с. 190]. Не было у крестьян школьного сбора, который существовал у казачьего населения и стимулировал школьное строительство. Были и препятствия со стороны администрации при решении вопроса об открытии школ в крестьянских селениях. Так, крестьяне не могли выделять денежные суммы на содержание школы, если у села имелись недоимки. А так как селений без недоимок было очень мало, то «открытие новых училищ встречало непреодолимые препятствия» [там же]. В 1880 г. крестьянские школы были переданы Министерству просвещения. Однако ситуация в лучшую сторону не изменилась. Министерство осуществляло лишь общий административный надзор за крестьянскими школами, в отличие от казачьих школ, которые государство поддерживало материально. Никакой программы по дальнейшему развитию школ среди сельского населения области у правительства не было. Школьное строительство являлось исключительно делом самого местного населения. По воспоминаниям забайкальского священника Н.М. Добромыслова, «обсуждение вопросов касательно открытия новых школ на общественных сходах не всегда давало благоприятные результаты: то неурожай, то обременены недоимками - всегда один ответ. На что другое общества деятельны, но уж насчет школы - ох, как туги!» [5, с. 20]. Вследствие этого школы открывались в сельских административных центрах, где имелись заинтересованные лица и материальные возможности. Обследование Вольного Экономии

ИРКУТСК

Л.С. Игорев. Портрет графа Н.Н. Муравьёва-Амурского, генерал-губернатора Восточной Сибири. 1858 г. Иркутский областной художественный музей

ческого Общества 1893 - 1894 г. дает нам представление о состоянии народного образования по отдельным округам Забайкальской области.

Основные показатели школьного дела - количество селений на одну школу и количество детей школьного возраста, посещающих школу, дают противоречивые сведения. Например, небольшое число селений на одну школу в округе вовсе не предполагает высокий процент охвата детей школьного возраста начальными училищами. В Нерчинско-Заводском округе на одну школу приходилось 1,3 селения, а число детей, посещавших школу, составляло 5,2 %.

Последний показатель сопоставим с числом детей школьного возраста, посещавших школу в Читинском округе, - 5 %. Но в Читинском округе на одну школу приходилось 8,6 селений! В Троицкосавском округе на одну школу приходилось 4,3 селения, однако 12,4 % детей школьного возраста посещало школу. В Нерчинском округе на одну школу приходилось 11 селений! Тем не менее 7 % детей школьного возраста посещало школу [9, т. 3, с. 20]. Таким образом, показатель количества селений на одну школу далеко не всегда адекватно отражал степень развития школьного дела в той или иной местности. Это объясняется тем, что в Забайкалье,

как и повсюду на Дальнем Востоке, количество жителей в большинстве населенных пунктов было весьма незначительным. Устройство школ в них было невозможно не только в силу материальных затруднений, но и по причине ничтожно малого числа детей школьного возраста. Школы открывались или в административных центрах, или в многолюдных селениях, куда жители близлежащих деревень и направляли своих детей. Поэтому показатель охвата школой детей школьного возраста более адекватно отражает состояние народного образования в той или иной местности. Показатель числа селений на одну школу может давать лишь общее представление о развитии школьной сети и является дополнительным к первому.

Заметную роль в развитии начального образования в крестьянской среде сыграли церковно-приходские школы. В Забайкалье в 1872 г. было 10 церковно-приходских школ, в которых училось 207 человек [20, с. 136]. Церковь ничего не тратила на их содержание. Помещениями для занятий служили церковные сторожки. Часто эти школы своим существованием были обязаны инициативе и материальной поддержке крестьян. Так, в селе Посольском крестьянин Каштаков за свой счет построил дом для училища и отпускал ежегодно учителю 100 рублей [там же]. Эти школы правильней было бы называть «сельско-церковные». Такое определение упомянуто в связи с открытием школы в 1883 г. в селе Нарынском. «За неимением лица, могущего быть учителем, местный священник согласился учить детей. Школа стала именоваться сельско-церковной» [6, с. 609-610].

В 1884 г. выходит положение о церковно-приходской школе, которое повлияло на динамику их роста в Забайкалье: в 1860 - 1870-е гг. открывалось в год по 1-3 школы, в 1885 г. - 10 школ, в последующие годы - по 5-6 [9, т. 2, с. 83]. Положение о церковно-приходских школах предусматривало их открытие в каждом приходе. В 1890 г. на 140 приходов Забайкальской области было 72 церковно-приходских школы [7, № 20, с. 2].

Под началом ведомства православного вероиспове-

дания находились также школы грамоты. Они получили распространение в Забайкалье в конце 80-х - начале 90-х гг. XIX в. Школы грамоты в европейской части России рассматривались «как зерно будущей церковно-приходской школы». В Сибири и на Дальнем Востоке, по мнению членов Иркутского епархиального совета, это был самостоятельный тип школ [7, № 25, с. 4]. Школы грамоты открывались только в сельской местности, в городах их не было. В этих школах давались начальные знания по Закону Божьему, учили читать и писать, петь с голоса важнейшие молитвы.

Количественные данные по школам грамоты присутствуют и в епархиальных отчетах, и в губернаторских. Однако трудно сказать, насколько адекватно они отражали действительное положение. В 1890 г. в Забайкальской области было 80 школ грамоты, но далее в епархиальном отчете указывается, что «точное число школ грамоты назвать трудно, так как оно все время меняется. Неустойчивость школ грамоты зависит прежде всего от состава учителей» [7, № 25, с. 5]. В 1896 г. в Забайкалье, по отчету епархиального совета, уже числилось 102 школы, но проверка 1897 г. показала, что действительно работало только 58 школ грамоты (РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 304, л. 16 об.).

Среди коренного населения Забайкалья, бурят, первые школы возникли еще в первой половине XIX в.: Онинская - в 1806 г., Селенгинская - в 1818 г., Агинская - в 1842 г., Баргузинская - в 1844 г. В 1860 г. работало шесть бурятских школ. В бурятских училищах преподавались те же предметы, что и в одноклассных училищах МНП. В них работали учителя, оставившие заметный след в бурятской культуре. Учитель Цулгинского училища Ринчин Номтоев в 1860 г. составил русско-монгольский букварь «Самоучитель или расписная азбука с переводом на монгольский язык для учеников монголо-бурятских», который был издан в Казани в 1864 г. и разослан по бурятским училищам. Учитель Агинского училища Цирик Онгодов перевел на бурятский язык «Родное слово» Ушинского. В Онинском училище работал

Бадзар Норбоев, который занимался краеведческой работой, писал статьи этнографического характера [2, с. 146, 158, 162].

Преобразования в системе просвещения России в 1860-х гг. давали надежду на возможность создания национальной школы. В начале 1870-х гг. буряты обратились с ходатайством к министру просвещения Д.А. Толстому об открытии частных школ для изучения монгольского и тибетского языков. Мотивировалась эта просьба тем, что знание языков необходимо для торговых сношений с монголами и чтения религиозных книг. Министр признал это ходатайство «решительно не заслуживающим удовлетворения». Отказ объяснялся целым рядом причин. Во-первых, торговые сношения ведутся на «народном» монгольском языке, который буряты понимают без особого изучения, а знание книжного монгольского языка для торговых дел не имеет значения. Во-вторых, чтение буддийских священных книг, по правилам буддизма, разрешается только ламам и лицам, готовящимся к этому званию. К тому же буддийские трактаты по своему философскому содержанию доступны только ламам и не могут служить предметом образования для бурят-простолюдинов. В-третьих, распространение буддийского учения не совпадает ни с политическими интересами России, ни с экономическим положением местного населения. Политический вред заключался в том, что глава ламаистского духовенства находился вне пределов России, а экономический вред состоял в том, что большое число аскетов обременяет население. И, наконец, в-четвертых, открытие частных школ вызовет отток населения от правительственных школ [19, с. 274-275].

Этот пространный отказ рельефно отражал не только взгляд Д.А. Толстого на национальную школу, но и в целом политику правительства в отношении национальных школ. Из министерского отказа следует, что появление бурятской школы с изучением монгольского и тибетского языков, органически вошедших в национальную бурятскую культуру, может нанести политический и даже экономический ущерб русскому государству! «Забота» министра об оттоке

населения от правительственных школ носит абсолютно декларативный характер, так как таких школ было мизерное количество. Частные школы могли бы восполнить их крайний недостаток. Однако национальные школы не соответствовали оформлявшейся в этот период концепции Министерства просвещения на развитие просвещения среди нерусских народов России. Д.А. Толстой в одном из своих выступлений провозгласил, что «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего Отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» [16, с. 835]. Как видно, в этой доктрине не могло быть места национальной школе, которая сохраняла бы самобытность народа.

Религиозно-просветительской работой среди бурят занялась Забайкальская православная миссия. Миссия была организована в 1862 г. для пропаганды христианства среди ламаистского населения Забайкалья. Для подготовки «способных мальчиков к миссионерскому служению в должностях причетников, переводчиков и учителей» при Посольском монастыре была открыта в том же году первая миссионерская школа [2, с. 201]. Программа обучения соответствовала одноклассному церковно-приходскому училищу с добавлением миссионерских предметов и монгольского языка. В 1867 г. в школе училось 19 мальчиков. Их обучением занимался миссионерский послушник, бывший воспитанник Посольского монастыря Дмитрий Сизых. (В дальнейшем Д. Сизых служил во многих миссионерских станах Забайкальской миссии до своей кончины в 1894 г. [12, с. 64]). В числе предметов был монгольский язык, которому обучали два бурята-учителя - Роман Цыремпилов и Иван Чагдунов [2, с. 201]. Эта школа несколько лет была единственной: только в 1870-е гг. начинается рост миссионерских училищ: в 1878 г. их было 8, в 1881 - 11, в 1886 - 13, в 1890 - 24, в 1894 - 29 (подсчитано по: РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 11, л. 21; ф. 1, оп. 1, д. 1010, л. 138 об.-139 об.; ф. 702, оп. 1, д. 304, л. 16 об., а также [7, № 46, с. 5; 12, с. 64]). В миссионерские школы, как правило, принимались «беднейшие из инородцев» [7, № 44, с. 6].

Дом генерал-губернатора в Иркутске. Почтовая открытка начала XX в. Фото из альбома С.И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках» (М., 1996)

Православной миссионерской школе в Забайкалье противостояли школы при дацанах. Среди бурятского населения существовала традиция отдавать старшего сына в монастырь - дацан. По этой причине конфессиональные школы при них процветали. Например, в 1874 г. в Баргузинском училище обучалось всего три человека, тогда как баргузинские дацаны были полны детей [2, с. 131]. Население отдавало явное предпочтение ламаистской школе, являвшейся традиционной для бурятской культуры. Несмотря на государственную поддержку, православной миссионерской школе было трудно соперничать с ламаистской духовной школой.

В 1892 г. в Санкт-Петербурге прошло совещание «О мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье». В совещании участвовали обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, министр внутренних дел И.Н. Дурново, приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф. Совещание рассмотрело предложения А.Н. Корфа о «мерах к усилению пропове-

ди православия среди иноверцев». Наиболее верным способом борьбы с ламаизмом и одновременно пропагандой православия А.Н. Корф считал распространение «общего образования» среди аборигенов [4, с. 157]. Распространение образования участники совещания признали «заслуживающим внимания», однако требующим значительных денежных затрат. Поэтому дальше рассуждения о пользе образования дело не пошло. Перепись 1897 г. показала, что из каждой тысячи грамотных бурят 835 знали монгольский язык и только 165 - русский [17, с. 25]. Эти данные наглядно показали лидерство ламаистского духовенства в начальном образовании народа. Об этом же свидетельствует и число учеников в конфессиональных школах. В православных миссионерских школах в 1894 г. обучалось 683 ученика [12, с. 74]. При всех 32 дацанах Забайкальской области имелись школы, в которых училось от 100 до 300 хуvaraков. Общее их число составляло приблизительно 6-7 тыс. человек [2, с. 214]. Государственная политика, направленная на «обрусение инородцев», в Забайкалье встретила серьезное сопротивление ламаистского духовенства. Таким образом, в конце XIX в. среди забайкальских бурят господствовала ламаистская духовная школа, где обучали монгольскому и тибетскому языкам и годичному циклу богослужений, общеобразовательные предметы не изучались. Светская школа у бурят в течение 40 лет не получила никакого развития - в 1890-х гг., как и в 1860 г., было только шесть школ в центрах инородческого управления (степных думах). Небольшое число светских начальных училищ у бурят являлось одной из причин того, что только единицы из них продолжали дальнейшее обучение. В 1888 г. в городских училищах обучалось всего несколько бурят: в Верхнеудинске - один, в Селенгинске - три, в Троицкосавске - пять [19, с. 276].

Кроме бурят в Забайкалье проживали также эвенки, или, как их тогда называли, тунгусы. Они вели кочевой образ жизни в северной таежной зоне области. Устройство школ у эвенков в силу этого обстоятельства было довольно затруднительно. До конца века существовала единственная

эвенкийская школа при Урульгинской степной думе.

В 1890-х гг. начинается более интенсивный, чем в предыдущие годы, рост школ, в том числе и сельских. Если в конце 1880-х гг. в Забайкалье открывалось ежегодно по 6-8 школ, то в 1890-1893 гг. - 16-17, 1898-1899 гг. - 20-30 [9, т. 2, с. 80; 10, с. 28]. В конце XIX в. сельские школы области почти поровну распределялись между двумя ведомствами - Министерством просвещения и церковью. Всего в Забайкальской области, по отчету приамурского генерал-губернатора, за 1898 - 1900 гг. Министерству просвещения подчинялись 21 двухклассная школа, 139 одноклассных училищ; ведомству православного вероисповедания принадлежали 9 двухклассных школ, 137 одноклассных училищ, 98 школ грамоты, 10 миссионерских (РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 304, л. 16 об.). Таким образом, общее число начальных школ в Забайкалье составило 414, из них 30 двухклассных и 384 одноклассных. Соотношение одно- и двухклассных училищ в Забайкалье было характерным и в целом для страны: в 1896 г. 94 % начальных училищ приходилось на одноклассные, 4 % - на двухклассные, 2 % - на многоклассные [14, с. 655]. Некоторые данные губернаторского отчета - неверные (число миссионерских школ занижено в два раза, а число школ грамоты явно завышено). Тем не менее отчет в целом дает представление о количественных показателях развития школьного дела в Забайкалье в конце XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрес-календарь и памятная книжка Забайкальской области за 1871 г. - Иркутск, 1871.
2. Андреев В.И. История бурятской школы. - Улан-Удэ, 1964.
3. Г.М. Заметки о народных училищах Забайкальской области // Журнал Министерства народного просвещения. - 1881. - № 4.
4. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы

Сибири. - Иркутск, 1986.

5. Добромослов Н.М. Материалы к истории открытия сельских школ в Забайкалье // Труды Троицкосавского отдела РГО. - СПб., 1903.

6. Иркутские епархиальные ведомости. - 1883. - № 48.

7. Иркутские епархиальные ведомости. - 1891. - № 20; № 25; № 44; № 46.

8. Матханова Н.П. Н.Н. Муравьев-Амурский - «покровитель» просвещения // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ. - Омск, 1998. - Т. 2.

9. Начальное народное образование в России. - СПб., 1905. - Т. 2, 3.

10. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. - СПб., 1914. - Вып. 12.

11. Панчуков А.П. Очерки по истории развития школ в Бурят-Монголии. - Улан-Удэ, 1939.

12. Православный Благовестник. - 1895. - № 19.

13. Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. // Исторические записки. - М., 1951. - Т. 37.

14. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1892 - 1902. - СПб., 1902.

15. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 7. 1877 - 1881. - СПб., 1883.

16. Сборник распоряжений Министерства народного просвещения. - СПб., 1870.

17. Серебрянников И. Буряты по данным переписи 1897 г. // Сибирские вопросы. - 1908. - № 37.

18. Цыбиков Г.И. Избранные труды. - Новосибирск, 1991. - Т. 2.

19. Цыренов Г. Очередные задачи бурятского просвещения // Северные зори. - М., 1916.

20. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. - Новониколаевск, 1923.

ИГРУШКА И ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В НАЧАЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Владимир Иванович Тарасов, историк, художник, преподаватель Иркутской областной школы искусств

С начала 80-х гг. XX в. в Иркутской области активно формируется, растет качественно и количественно сфера начального художественного образования. Даже несмотря на кризисные явления в области культуры (приведшие к закрытию части художественных школ в отдаленных районах области), в Иркутске, Ангарске, Братске, Черемхово, Шелехове общее количество учащихся этих образовательных учреждений постоянно растет. Увеличиваются и наборы на художественные отделения, открываемые при школах искусств. Реальная востребованность этой сферы образования отражается в возросших конкурсах на вступительных экзаменах, в увеличении количества учащихся подготовительных групп. В этих условиях у преподавателей появились возможности к совершенствованию методов организации учебного процесса, к максимальному учету особенностей детского творчества - как специфического процесса, к применению в нем игровых последовательностей и структур.

Образно-сюжетные игры - наиболее естественный для ребенка способ освоения законов и реалий окружающего мира, способ его адаптации к современной этнокультурной и социальной среде. Играя, ребенок познает мир. Изобразительное творчество детей изначально также построено на игровой основе. Беря в руки карандаш или кисть, ребенок не предполагает какого-либо законченного результата. Композиция листа обычно складывается постепенно: от персонажа к персонажу, с дополнениями, деталями и атрибутами, часто неожиданными для автора. В результате возникают ситуации и взаимоотношения

между героями композиций, так радующие (особенно взрослых зрителей) своей неординарностью. То же с объемными композициями из пластилина или глины. Их конечный результат, как правило, не осмысливается (важен сам процесс), а большая или меньшая тщательность проработки деталей зависит только от желания и способностей ребенка уделять внимание подробностям рождающегося изобразительного сюжета. Оценка же взрослыми результатов детского творчества идет по другим, часто непонятным детям параметрам, и в то же время она очень важна для юных художников. Ожидая этой оценки, ребенок находится под впечатлением игры-творчества, в его приподнятом эмоциональном состоянии отражается вся яркость созданного им воображаемого мира. Он видит не только то, что есть на листе бумаги или в лепной работе, но и то, что не успел или не смог изобразить.

Постороннему зрителю, не участвовавшему в создании образного мира, итог работы кажется менее впечатляющим, а потому его оценка творчества ребенка может быть деструктивной. Задача преподавателя в этой ситуации - помочь ребенку подойти к результату, способному выявить личностные способности юного художника, его устремления в гармоничной замыслу форме. В форме, способной быть оцененной и востребованной в современном мире.

При этом нельзя подменять процесс творческого самовыражения копированием технологически понятных образцов, что, разумеется, проще, быстрее и результативнее (в смысле достижения выставочного качества работ) и что часто называют возрождением традиционных видов прикладного искусства.

Один из возможных вариантов достижения поставленных целей - гармоничное сочетание технологических и художественных задач. В современном дизайне, например, одним из главных приоритетов является эстетическое освоение свойств новых материалов и процессов их обработки. На уроках керамической скульпп-

туры в Иркутской школе искусств обучение приемам лепки и развитие творческих способностей детей рассматриваются в неразрывной связи с технологическими требованиями керамики.

Показателен в этом плане комплекс заданий «Колпачки» (модульное комбинирование). Основой этого комплекса, всего формообразующего процесса, с ним связанного, является пустотелый глиняный объем купольной формы, наиболее технологичный в сушке и обжиге (что крайне важно для керамики). Самостоятельно выполняя колпачок из податливого глиняного шарика, дети учатся вытягивать стенки равномерной толщины, обрабатывая при этом его внешнюю и внутреннюю поверхности. При изготовлении колпачков разных пропорций и размеров осваивается целый ряд соответствующих приемов работы. Полученные объемные формы являются модулями будущих керамических игрушек. Соединяя колпачки под разными углами (осваивая одновременно приемы склейки глиняных деталей), дети дополняют их другими мелкими элементами и разрезанными в разных конфигурациях колпачками так, чтобы получились фигурки людей, животных, насекомых или сказочных существ. Сочиненные сразу в объеме, игрушки обладают несомненной стиливой и качественной законченностью, которая определяется в данном случае технологией их изготовления. Они легко объединяются в композиции (благодаря тому же стиливому единству) с самыми необычными сюжетами. А дети с большим интересом активно обыгрывают сказки и истории, возникающие таким образом.

В процессе игры-обучения создаются игрушки, подчас целые наборы игрушек со своей сюжетной линией и образным миром, созвучным настроениям и интересам ребенка. Ребенка, находящегося в реальной современной среде, подверженного влиянию всего современного комплекса социальных, психологических, эстетических и других факторов.

Эти игрушки отражают потребность детей в игровых

**Катя Мурик. Игрушки-страшил-
ки. Иркутская областная шко-
ла искусств**

адаптации к реалиям современного мира. А ведь детская фантазия позволяет находить подчас совершенно неожиданные решения для самого широкого круга проблем, сопутствующих возрастным этапам развития ребенка. Один из таких примеров - игрушка-страшилка.

Известно, как любят младшие школьники всяческие страшные истории, как нравится им слушать и рассказывать страшилки в полумраке вечерних сумерек. Голос при этом приобретает особую таинственную окраску, специфичным «страшильным» становится и темп повествования. Сами истории и стиль их воспроизведения чаще всего довольно комичны. Это является необходимым атрибутом, следствием и символом преодоления рассказчиком собственного страха, вторично и уже в меньшей степени переживаемого им при пересказе услышанной от других или придуманной самим истории. Для слушателя этот, возможно, не сразу воспринимаемый комизм - как спасательный круг, не даю-

объектах, высокопластичных по образному строю, легко трансформируемых, с наличием неожиданных (возможно, даже скрытых) особенностей и эффектов.

Такие игрушки могут появиться только в игре, в конкретной игровой ситуации, наиболее естественной для их возникновения и функционирования. Они в большей степени соответствуют своему назначению, в отличие от муляжно воспроизведенных копий реальных предметов, обилие которых заглушает детскую фантазию, мешает поиску новых форм

щий утонуть в страшной сказке.

Принцип построения детской страшилки прост и универсален - заунывное нагнетание обстановки, накопление символов страха при внешнем спокойствии, вдруг резко обрывается громким возгласом (Ам!!!). Такая внезапная смена ситуации характерна для игрушек-сюрпризов с вылетающими из шкатулок чертиками, зверями и чудищами.

На сходном эффекте, но на другой пластической основе строится моделирование и воздействие оборотня-страшилки, объемной керамической игрушки, появившейся в результате совместного творчества преподавателя и учащихся мастерской В. И. Тарасова.

Вот перед нами милые и спокойные зверушки и человечки. Их округлые силуэты, комичные детали налепов, веселую жизнерадостную роспись хочется рассматривать еще и еще. Но стоит резко повернуть игрушку... и настрой совершенно другой. Произошло превращение. В том же прежнем округлом силуэте - совсем другое существо. «Ругучие» и «кусучие», с выпученными глазами и оскаленными зубами, окрашенные в резко-контрастные цвета чудища того и гляди прыгнут на нас. Впрочем, они не менее забавны и даже... смешны. Страх, пусть секундный, исчез, а комизм ситуации сохраняется еще долго. Так смеются, подчас сквозь слезы, над своими страхами дети. Так комичны детские страхи для больших и взрослых людей.

Процесс превращения произошел на наших глазах. Он интересен не только своей эффектностью, но и приемами, с помощью которых достигнут.

Переход объема в полость, при сохранении прежнего силуэта (особенно интересный с точки зрения пластики игрушки), изменение назначения и характера мелких деталей, контрастная смена цветового строя - таков простой, но открывающий большие возможности для реализации творческой фантазии детей набор изобразительных средств, характерный для игрушки-оборотня.

Разработка и изготовление такого типа игрушки вхо-

дит в комплекс учебно-игровых заданий «Колпачки» (Керамическая скульптура. Первый класс. Иркутская школа искусств), обладающих общими пластическими и технологическими принципами, определившимися подходом к цветовому строю.

В то же время страшилка-оборотень уникальна в ряду этих заданий по своей эмоционально-образной структуре. И это требует приложения творческой энергии новых поколений первоклассников. Для поиска отвечающего образности игрушки характера и диапазона наклепов, выбора приемов и элементов росписи, общей стилевой направленности рельефного и цветового декора необходимы время и усилия учащихся и преподавателя.

Возникшая в ходе игры-обучения своеобразная форма игрушки-страшилки является, на мой взгляд, примером современной детской народной игрушки, функционирующей пусть в узкой, но определенной временной и пространственной среде Иркутской школы искусств и ее окрестностей. Примером, достойным внимания современной детской этнографии (направления, в основу которого легли исследования игрового творчества детей, проведенные профессором Г.С. Виноградовым в 1920 - 1930-е гг. в Иркутске и Иркутской области). Актуальность, обоснованность и необходимость нового внимательного взгляда со стороны этнографов, психологов, преподавателей и художников на роль игрушки и игры в творческом процессе, в обучении детей различным видам художественного творчества были подтверждены в ходе работы регионального семинара «Художник - игрушка - дети» (Омск. Сибирский культурный центр, март 2001 г.), отразившего востребованность этой темы со стороны педагогов, ученых и художников.

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КИЖИ»: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ

*Виола Анатольевна Гущина,
старший научный сотрудник
музея «Кижь»*

История острова Кижь уходит в глубины веков. Предками современных кижан были русские переселенцы из Новгорода. В X - XI вв. они начали осваивать северные края, заселенные финно-угорскими племенами: корела и весь. Напоминанием о вепско-карельских племенах и сейчас являются названия соседних деревень: Корба, Кузаранда, Толвуя, Чёлмужи, Яндом, Кижь... Все эти нерусские названия как отзвук древнейшей истории Обонежья.

Кижь. Кижат. Кижисуари. В переводе с вепско-карельского наречия слово обозначает - «йгрище». По всей видимости, в языческие времена, когда местные люди обожествляли природу и животных (главным образом лося и медведя), здесь устраивались языческие мольбища с жертвоприношениями, ритуальными песнями и обрядовыми плясками.

Недалеко от острова Кижь расположен Южный Олений остров - некрополь неолитической эпохи. Рядом с Кижями - на острове Радколье - разыгрывались колдовские мистерии, сохранившиеся в местных преданиях. Следы святилищ первобытного человека со временем были уничтожены. Духовенство веками изживало языческие обряды с их «бубеньным плясанием, свирельными звуками, плясаньем сотониным» [12, с. 11]. На бывших языческих капищах вырастали

христианские храмы. Первые культовые постройки на острове Кижы не сохранились.

Новые малозаселенные земли привлекли новгородцев обилием пушных зверей в дремучих дебрях лесов, многочисленными озерами, богатыми рыбой, залежами руды, а также водными путями к Белому морю... Энергичные, предприимчивые новгородцы корчевали леса, обзаводились пашнями и покосами. Земледелие здесь давалось нелегко: слишком камениста карельская почва («камушков у нас - хоть убейся, а водушки - хоть залейся»).

Сведения о заселении острова Кижы выходцами из Новгорода содержатся в причитаниях крупнейшей сказительницы XIX в. И.А. Федосовой:

Наступили басурманы превеликие.

Разорили они славный Новгород.

Все тут придались в посиверну сторонушку,

На званы острова да эти Кижские [1, с. XII-XIII].

В XII в. земли древней Карелии вошли в состав Новгородской феодальной республики. Одной из мер укрепления своего влияния на карел новгородцы считали христианизацию края. Но с трудом проникал в сознание язычников «свет веры Христовой». Первое упоминание о крещении карел относится к 1227 г., когда новгородский князь Ярослав Всеволодович - отец Александра Невского - послал священников «крести множество карел...». Но и в 1535 г. архиепископ Новгородский и Псковский Макарий сообщал Ивану Грозному: «...много северных мольбищ идольских на северных землях», «...живы языческие верования Корелы» [1, с. 25].

Потребовалось более 500 лет, чтобы христианская религия стала господствующей на Севере. Но еще и сейчас во время экспедиций по Карелии на вопрос: «Бабушка, а вы верите в добрых и злых духов?» - можно услышать: «Эвон, милая, вокруг тебя-то их сколько витает!».

Постепенно, но прочно утверждалась на древних

землях Карелии духовная и мирская власть новгородцев. К середине XV в. духовенство и новгородские бояре сосредоточили в своих руках почти все земли. Обширные владения монастырей и бояр назывались «боярщинами» и сохранились в названии соседней деревни. Знаменитой вдове новгородского посадника Исаака, Марфе Борецкой (Марфа Посадница), принадлежало свыше 700 деревень, из них 29 - в Кижском погосте.

Погост был основной административной единицей в Новгороде. Новгородская Уставная грамота князя Святослава Ольговича 1137 г. повелевала: «...кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свой погост; так пошло в Новгороде» [4, с. 12-13].

Древняя история Кижей в период с XI по XV в. являлась частью истории Новгорода - крупного политического, экономического и культурного центра. «Дух новгородского веча в XV - XVI веках веял в Обонежских обителях», - писал Е.В. Барсов [3, с. 17-18]. Следы новгородского пребывания в Кижях прослеживаются и в настоящее время в виде случайных находок. Так, например, в 1988 г. на огуречной грядке в огороде на острове Кижы была найдена свинцовая вислая печать обычного типа этого разряда булл с изображением на одной стороне креста и надписью «Печать Игната Михайловича». Игнат Михайлович был в XV в. владычным наместником в Обонежье [13, с. 247]. Печать хранится в фондах музея «Кижы» (инв. № 2937).

Но приближался конец новгородской вольности. Набирала силу и крепла Москва. В 1478 г. Великий Новгород и все его земли, в том числе и Обонежская пятина, были подчинены Москве. Устанавливались новые порядки. Вотчины у новгородских монастырей и бояр были отобраны. Спасский Кижский погост стал именоваться «черной», «оброчной» волостью. Доходы с государственных деревень поступали непосредственно в казну. Впервые Спасский погост в Кижях был описан в 1496 г. московским писцом Юрием Сабуровым [5, с. 9].

Кижский архитектурный ансамбль. До 1914 г. Фото Ф. Каликина

В XV в. в Заонежье большинство деревень состояло из одного-двух дворов. Небольшие участки земли позволяли вести хозяйство силами одной патриархальной семьи, иногда достигавшей 30 человек. Облик северных домов поражает своими размерами. В них под одной крышей объединены жилые и хозяйственные помещения: избы, горницы, сени, кладовые, сарай и внутренний двор с хлевами для скота. В условиях сурового климата такие дома были очень удобны для жизни.

Северный дом со стороны двора выглядит особенно суровым («стоит бычище»), но по фасадной линии плотники смягчали суровость мощных бревенчатых срубов многочисленными окнами («проклеваны бочища»). Данный вид жилища назывался «новгородским».

Таким образом, в этих краях в тесном контакте за-

родился своеобразный сплав финноязычной и славянской культур. Это нашло отражение в самобытности заонежского диалекта, выплеснулось в создании уникальных памятников деревянного зодчества - ярких образцах особого «прионежского типа».

Заонежье с давних пор называлось «Исландией русского эпоса». Здесь во второй половине XIX в. столличные фольклористы впервые услышали былины в исполнении живых рапсодов: Т.Г. Рябинина - основателя четырех поколений исполнителей былин, народной поэтессы И.А. Федосовой и великолепного исполнителя-импровизатора В.П. Щеголёнка. Современные музыковеды отмечают в былинах Т.Г. Рябинина наличие «вепско-мелодической строфы», что также свидетельствует о глубоком взаимодействии двух культур славянского и финноязычного происхождения.

Из всего вышеизложенного видно, что возникновение Кижского архитектурного ансамбля в Заонежье - явление не случайное. Оно было обусловлено высоким духовным потенциалом коренного (вепско-карельского) и пришлого (славянского) населения.

Кижский архитектурный ансамбль состоит из 22-главой Преображенской (летней), 10-главой (зимней) церкви и колокольни, объединенных бревенчатой оградой на каменном основании. Не сразу, а на протяжении 180 лет (с 1694 по 1874 г.) создавался уникальный архитектурный комплекс [8]. В его архитектуре слышны отголоски язычества, праздничность православия, суровый аскетизм старообрядчества, явно улавливаемый намек на барокко, дыхание культуры коренных обитателей этих мест - карел и вепсов.

В 1990 г. Кижский архитектурный ансамбль был включен ЮНЕСКО в список Всемирного культурного наследия одновременно с Московским Кремлем, Красной площадью, а также историческим центром Санкт-Петербурга. Так достойно оценили потомки творения деревенских зодчих, мастеров топора.

В настоящее время Кижский ансамбль представ-

ляет собой единственный из сохранившихся комплексов, созданных по принципу «многоглавие рядом с многоглавием».

Идея создания музея на основе Кижского погоста зародилась в 1929 г. и прослеживается на протяжении 37 лет (с 1929 по 1966 г.). С 1929 г. Преображенская церковь использовалась со дня Пасхи до 14 октября с целью проведения богослужений и одновременно для организации экскурсий по разъяснению назначения и использования церковного культа. Церковь превратилась в храм-музей.

В 1936 г. Кижскому сельсовету рекомендовалось взять под охрану церковь-музей (Национальный архив Республики Карелия /НАРК/, ф. 689, оп. 5, д. 14/83, 1936, с. 22). В феврале 1937 г. церковь Преображения была включена в Список молитвенных зданий, имеющих историческое значение (НАРК, ф. 689, оп. 5, д. 14/83, 1937, с. 38). Постановлением Комиссии по культуре при Президиуме ЦИК КАССР от 13 февраля 1937 г. Преображенская церковь была закрыта (там же, с. 20-20 об.). Для отправления религиозных обрядов верующим была оставлена вторая (зимняя) - Покровская церковь, которая использовалась для проведения богослужений и в послевоенные годы.

Постановлением Совета Народных Комиссаров № 604 от 2 октября 1945 г. территория Кижского погоста была объявлена государственным заповедником (НАРК, ф. 689, оп. 5, д. 43/216, 1945, с. 7-9). На первом этапе (1945 - 1950) идея создания музея рассматривалась как конкретная практическая мера, способная сохранить обреченную на гибель часть наследия деревянного зодчества, которая подвергалась опасности полной и бесследной утраты. Ведущим критерием для подбора объектов - экспонатов была определена архитектурная уникальность и типичность, соответствующая традициям народного деревянного зодчества.

На протяжении 10 лет (1950 - 1960) Кижский по-

Кижский архитектурный ансамбль после реставрации

гост существовал на правах отдела Управления по делам архитектуры при Совете Министров Карело-Финской ССР, не являясь самостоятельной хозяйственной единицей. Период с 1961 по 1965 г. связан с организацией отдела «Кижский» как филиала Государственного краеведческого музея [8].

Официальное открытие отдела «Кижский» состоялось 10 июня 1961 г. Распоряжением Совета Министров РСФСР от 14 июля 1965 г. на острове Кижский с 1 января 1966 г. был создан Государственный историко-архитектурный музей на правах самостоятельной административной единицы [6; 7; 9].

В 1969 г. Государственный историко-архитектурный музей был реорганизован в Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский» [10]. Территория музея расширилась от границ каменной ограды Кижского погоста до мас-

штабов современного состояния с охватом территории в 54 га, включая обширную охранную зону в размере 9990 га.

Десятилетие с 1949 по 1959 г. вошло в историю Кижского погоста как период «великой реставрации», проводимой под руководством московского архитектора А.В. Ополовникова. В результате реставрации кижские церкви были освобождены от позднейших «благородных поновлений» в виде тесовой обшивки на срубах, железного покрытия на куполах и штукатурки на стенах и потолках. В таком «модном» наряде церкви простояли почти 150 лет, начиная со столетнего возраста.

После реставрации церкви обрели свой прежний вид: сосновые срубы вновь задышали легко и свободно, купола мягко засветились свежим осиновым лемехом. Но время оставило свои тяжкие раны на старых бревенчатых срубах. Их устранение - проблематично.

Ученые давно пытаются разрешить сложные вопросы борьбы с коварными жуками-древоточцами и разными видами поражения древесины, превращающими древние бревна в порошок. В 1958 г. Кижский архитектурный ансамбль был выдвинут на международную защиту. 13 августа 1980 г. в связи с аварийным состоянием Преображенская церковь была закрыта. Тогда же, в 1980 г., начался демонтаж церковного интерьера: был разобран иконостас, состоящий из 102 икон северного письма; сняты полы, потолки, убрана внутренняя, страховочная кровля.

В 1984 г. в интерьер Преображенской церкви введен жесткий металлический каркас с целью укрепления конструкций и для дальнейшей реставрации. Но работы были приостановлены в связи с разработкой нового проекта инженерного укрепления бревенчатых срубов. В ожидании реставрации Преображенская церковь находится в закрытом виде более 20 лет.

Вопрос о способах ее реставрации обсуждался

На острове Кижь. Фото В. Ларионова

специалистами России и других стран на протяжении более 50 лет, начиная с 1949 г. Как видим, внимание со стороны ученых к состоянию церкви велико.

Концепция реставрации Преображенской церкви, разработанная совместными усилиями специалистов городов Москвы, Санкт-Петербурга, Кирова (Вятка) и музея «Кижь», предусматривает максимальное сохранение подлинных конструкций церкви способом переборки сруба без его полной раскатки с использованием специальных подъемных приспособлений, необходимых для замены ослабленных бревен здоровой древесиной. В настоящее время проектные предложения находятся на стадии утверждения в Москве. Появилась надежда, что в третьем тысячелетии церковь Преображения Господня обретет новые свежие силы.

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижь», как известно, основан в 1966 г., но работы по сохранению и реставрации наиболее ценных объектов деревянного зод-

чества начались намного раньше. Первый памятник - крестьянский дом Ошевнева - был перевезен на остров в 1951 г. На небольшом пространстве Кижского острова представлены церкви, часовни, дома, бани, амбары, кузницы, мельницы (водяные и ветряные). Они перевезены на остров Кижь из разных деревень Карелии и помогают воссоздавать тот исторический фон, который сопутствовал Кижскому погосту в прошлом.

Экспозиция музея знакомит посетителей с древней культурой карел, вепсов и русских, охватывая исторический период со второй половины XIV в. до настоящего времени. Самый почтенный по возрасту памятник музея - церковь Воскрешения Лазаря, датируемая второй половиной XIV в., - древнейший памятник деревянного зодчества на территории России. В экспозиции она занимает особое место, помогая проследить путь становления мастерства зодчих - от простейшей клетки до многоглавой композиции Кижского ансамбля.

Впечатление о Кижях становится значительно полнее и глубже после знакомства с памятниками «Кижского ожерелья» - так поэтично названы небольшие часовни в деревнях, живописно раскинувшихся вокруг острова, - Корбе, Подъельниках, Волкострове и Воробьях. Богат и мудр строительный опыт зодчих. Они понимали и ценили пользу и красоту дерева, хорошо знали его технические, конструктивные и декоративные возможности.

Музей «Кижь» хранит прекрасные образцы народного творчества: вышивки, ткачества, резьбы и росписи по дереву...

В понятие «Кижь» включен сложный комплекс, в который входят не только памятники архитектуры, археологии, но и уникальная природа, многогранная хозяйственная деятельность, туристические потоки, сохранение крестьянской культуры.

Красочные фольклорные праздники, Дни народ-

ного ремесла, престольные и часовенные богослужения дополняют и воссоздают фрагменты прошлого.

Музей «Кижы» - молод. 1 января 2001 г. ему исполнилось 35 лет.

С 1995 г. на острове возрожден православный приход. 4 июня 2000 г. в Покровской церкви впервые в истории Кижского погоста состоялась Патриаршая литургия, которую провел Патриарх Всея Руси Алексий II. Возвращение к истокам веры и познание прошлого даруют людям надежду на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов Е.В. Причитания Северного края. - М., 1882.
2. Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Описание 1495 - 1717 годов. № 1055. - М., 1972.
3. Ополовников А.В. Кижы. - М., 1970.
4. Остров Кижы: Путеводитель. - Петрозаводск, 1968.
5. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 годов. - Л., 1930.
6. Постановление Совета Министров КАССР № 406 от 11/VII - 65 г.
7. Приказ Министерства культуры КАССР № 1 от 4/I - 66 г. // НАРК, ф. 3017, оп. 1, д. 73/479, с. 17.
8. Приказ по Министерству культуры и Министерству коммунального хозяйства КАССР № 51 от 9/I - 61 г. // НАРК, ф. 2916, оп. 1, д. 28/260, с. 1.
9. Распоряжение Совета Министров РСФСР от 14/VII - 65 г. № 2618-Р.
10. Распоряжение Совета Министров РСФСР от 30 апреля 1969 г. // НАРК, ф. 3017, оп. 1, д. 93/623, с. 7.
11. Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. - 1974. - № 1.
12. Тюриков И.П., Фролов А.И. Кижы. - Петрозаводск, 1983.
13. Янин В.Л. Новгородские акты XII - XV веков: Хронологические комментарии. - М., 1991.

ЭКСПОЗИЦИЯ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ В МУЗЕЕ «ТАЛЬЦЫ»

Александра Карповна Нефедьева,
заместитель директора АЭМ «Тальцы» по науке

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» в 1989 г. пополнился рядом памятников, вывезенных из зоны предполагаемого затопления сел и деревень водами будущего водохранилища Богучанской ГЭС, вопрос о стро-

ительстве которой казался тогда окончательно решенным. Жителям сел и деревень уже отводили для переселения новые участки земли. В данной ситуации музей торопился провести архитектурно-этнографическое обследование затопляемого района для отбора и вывоза на свою территорию необходимых ему памятников.

Экспедиция по обследованию селений состояла из трех человек - руководителя, заместителя директора музея по науке Олега Бычкова, архитектора «Россоюзреставрации» (г. Москва) Александра Субботина, фотографа Владимира Гуляева. В список отобранных памятников попала церковно-приходская школа из села Кеуль Усть-Илимского района. Село это древнее, ровесник уникальному памятнику - Спасской проезжей башне Илимского острога, построенной в 1667 г. и уже восстановленной в музее.

За более чем трехсотлетний период своего развития село Кеуль, находясь из-за сурового климата в зоне рискованного земледелия, развивалось медленно. Набрал еще в начале XIX в. определенные размеры, оно в дальнейшем почти не увеличивалось и в 1912 г. состояло из

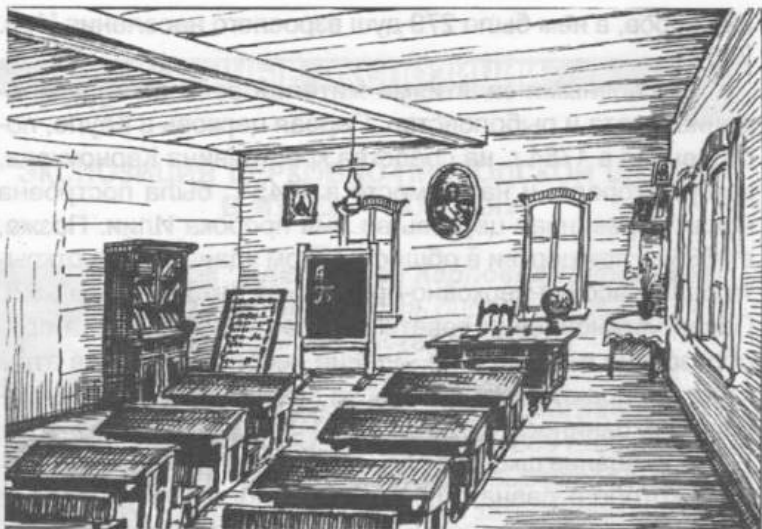
39 дворов, в нем было 279 душ взрослого населения [1, с. 280].

Основными занятиями жителей села были земледелие, охота и рыболовство. Первая церковь в Кеуле, построенная в 1784 г. на средства крестьянина Карноухова, вскоре сгорела, и на ее месте в 1845 г. была построена новая деревянная церковь во имя пророка Илии. Позже, в 1885 г., при церкви в общественном здании была открыта одноклассная церковно-приходская школа [2, с. 51-52]. После установления советской власти школа была преобразована в начальную. Здание использовалось в этом качестве практически до вывоза его в музей, поэтому хорошо сохранилось.

Помещение школы в плане представляет квадрат, сторона которого равна 10,7 м, срублено «в лапу», кровля стропильная, крыта тесом, карниз и фриз обшиты профилированной доской. Здание имеет десять крупных окон, одно из которых, с восточной стороны, спаренное. Окна украшены наличниками барочного типа. Школа имеет два выхода. Один, западный, - служебный, был предназначен для учителя. Другой - парадный, вел через прирубленное к зданию крыльцо, украшенное точеными балясинами и крытое на два ската. Внутри помещение делилось двумя капитальными стенами на класс и квартиру учителя. Вход в них шел через коридор. Отапливалось здание двумя печами, в классе - голландкой, в жилище - печью с плитой.

Процесс обучения детей в школе основывался на «Общих правилах для церковно-приходских школ», утвержденных Синодом в 1884 г. По этим правилам курс обучения в одноклассной церковно-приходской школе длился два года. Основные предметы, которые изучали дети, были Закон Божий, церковное пение, церковно-славянский язык, письмо, чтение, арифметика, а также давались первичные знания по отечественной истории и географии. Программа обучения детей по общеобразовательным предметам в церковно-приходской школе соответствовала программе министерских школ и превосходила их в

Класс в церковно-приходской школе. Худож. В. Нефедьев

объеме изучения христианских догматов. Руководил школой священник.

Задачи, которые ставили перед собой научные сотрудники, разрабатывая совершенно новую экспозицию, были следующие: через интерьер класса, наглядные пособия, школьную библиотеку показать процесс обучения детей в церковно-приходской школе в конце XIX - начале XX в. и отразить роль духовенства в обучении и нравственном воспитании детей.

При решении этих задач встретились определенные трудности, так как ни в архивных документах, ни в опубликованных воспоминаниях не нашлось описания внутреннего обустройства класса и жилища учителя. Автору экспозиции научному сотруднику музея Ольге Аркадьевне Акулич пришлось провести большую научно-исследовательскую и собирательскую работу, найти людей, которые каким-либо образом были связаны с этой темой. О.А. Акулич удалось выйти на Геннадия Васильевича Заморёного, потомка сельских учителей, работавших в школе в конце XIX - начале XX в. Его дедушка с бабушкой увлекались

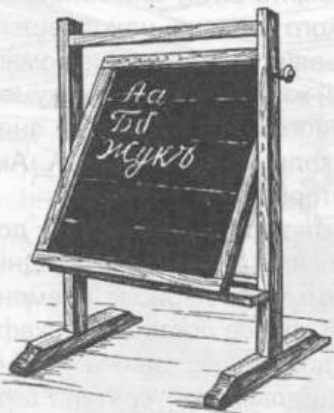

фотографией и оставили на память внуку фотоальбом с видами класса и своего сельского жилища, находившегося при школе. Геннадий Васильевич также хорошо помнил их устные рассказы о школьной жизни. Эти фотодокументы, воспоминания Г.В. Заморёного и других людей, знавших быт дореволюционной школы, позволили О.А. Акулич достоверно воссоздать интерьер класса.

Основу его составили десять парт, стол учителя, доска на ножках со штырем, напольные счеты. Из наглядных пособий удалось найти предметы того периода времени: спиртовку, барометр, глобус. В классе поставлен шкаф с книгами разного назначения: дореволюционные учебники, детские сказки и даже специальная литература агротехнического направления, которая выпускалась для крестьянства. Наличие в школе сельскохозяйственной литературы свидетельствовало о глубокой связи взрослого населения со школой. Во многих церковно-приходских школах, в том числе и в селе Кеуль, в воскресные дни проводилось обучение грамоте взрослого населения. После занятий, пользуясь случаем, священник знакомил мужиков с новыми достижениями в агрономии.

Интерьер дополняет божница, расположенная в углу по диагонали от печи. Каждый урок в церковно-приходской школе начинался с молитвы. На стене с восточной стороны развешан церковный календарь, представлявший двенадцатые праздники в цветных гравюрах, повествующих о земной жизни Девы Марии и сына ее Иисуса Христа, о их подвиге, совершенном для человечества. За печью в углу стоит обеденный стол с большим самоваром и чайной посудой. Дядька-истопник к большой перемене, которая длилась около часа, готовил для учеников чай. На передней стене, прямо от входа, размещены портреты царя Николая II и протоиерея Иоанна Кронштадтского - человека, уже при жизни зачисленного народом в святые. После его смерти по указу Синода 8 тысяч его портретов было отпечатано на жести и разослано в церковно-приходские школы для того, чтобы на примере жизни святого воспитывать в детях любовь к Отечеству и народу.

Классная доска.

Худож. В. Нефедьев

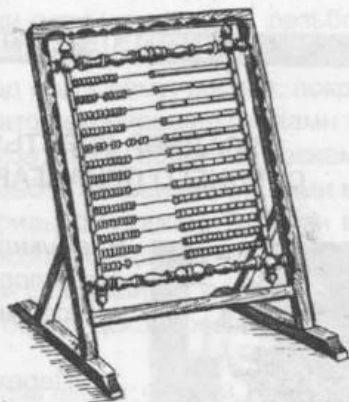

Вторая задача экспозиции - раскрыть тему «роль духовенства в развитии грамотности среди населения России» - разрешалась самим существованием церковно-приходских школ. Все они, в отличие от министерских, открывались в самых глухих уголках России, в местах бездорожья, в маленьких населенных пунктах. Ярким примером этому служит и Кеульская церковно-приходская школа. Даже в советский период, после завершения строительства Усть-Илимской ГЭС в 1980 г., когда район вошел в зону промышленного освоения, наземной дороги в Кеуль еще не было. Связь с остальным миром осуществлялась по реке Ангаре, а также легкими самолетами.

Церковно-приходские школы содержались на средства прихода, в мелких селах доход его был невелик и его едва хватало на бедное существование причта. Чтобы содержать школу, священничеству приходилось еще более ограничивать себя. Тем не менее денег не хватало, и часто священники вынуждены были отказываться от услуг учителя, возложив его обязанности на псаломщика, которому за это дополнительно платили всего 60 рублей, что составляло четвертую часть положенной зарплаты учителя церковно-приходской школы. Таким образом, преодолевая немалые трудности, порой вынужденное даже и закрывать школы, как это случалось в селе Кеуль, духовенство продолжало вести работу по распространению грамотности среди населения.

В церковно-приходских школах в большей степени, чем в министерских, уделялось внимание нравственным проблемам, воспитанию в учениках высоких моральных усто-

ев. Этого можно было добиться только на основе прочного усвоения христианства и христианской морали, поэтому в программы было введено более широкое знакомство учеников с христианским учением. По мнению многих видных деятелей церкви, «грамотность без нравственности служит более ко вреду, нежели к пользе» [3, с. 111]. В правильности этого высказывания мы в полной мере

Счеты. Худож. В. Нефедьев

убедились в настоящее время. Захлестнувшие общество преступления совершаются отнюдь не безграмотными людьми.

Однако такую серьезную тему, как образование и воспитание нравственных устоев учеников церковно-приходских школ, раскрыть в полном объеме в экспозиции путем интерьерного решения невозможно. Поэтому в будущем мы предполагаем дополнить экспозицию историческим материалом, основанным на документах и фотографиях, которые вместе с интерьером помогут дать исчерпывающее представление по этому вопросу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. - М., 2000.
2. Кокоулин К. Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии: Памятная книжка. - Иркутск, 1895.
3. Спасайте детей: Поучения св. Иннокентия, Митрополита Московского, апостола Сибири и Америки. - СПб., 1998.

УСАДЬБА КРЕСТЬЯНИНА ЗАРУБИНА СРЕДНЕГО ПРИАНГАРЬЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

*Владимир Викторович Тихонов,
директор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», г. Иркутск*

Пережив Гражданскую войну и последовавший за ней период бандитизма, приведший в упадок селения Среднего Приангарья, уже к концу нэпа крестьянство, получившее в собственность землю, как казалось им, на века, вклю-

чилось в созидательный процесс строительства нового, светлого будущего. Не осталась в стороне от этого процесса многодетная семья Зарубиных (12 душ), проживавшая в деревне Ёдарма Усть-Илимского района Иркутской области.

В 1929 г., на возвышенности, продуваемой со всех сторон ветрами, частично спасавшими хозяев и скот от нескончаемых полчищ гнуса, семья Зарубиных стала строить усадьбу. Это был период крестьянского строительного бума, когда, веря в светлую перспективу, по всей губернии крестьяне строили новые, крупных размеров, богато украшенные дома. Зарубины строили дом размером 11 x 8 м, рубленный «в обло» из круглого леса, из бревен диаметром до 36 см. Длина лесин достигала 5 сажень (11 м). Дома из такого диаметра и длины бревен строили, как правило, в первоначальный период освоения Приангарья, в XVII - XVIII вв., когда тайга с высококачественным лесом подступала непосредственно к месту обитания человека. Крышу дома возвели стропильную, четырехскатную. Карниз подшили профильной доской, прирубили тамбурные

сени. Дом имел десять больших окон и торцовой частью выходил на улицу. Наличники окон украшались резьбой, основной узор которых состоял из розеток с криволинейными волютами. Мощные, под стать дому, ворота, покрытые двухскатной крышей, богато декорированы рядами точеных балясин. Подзор карниза ворот, обшитый досками, заканчивался пропиленной резьбой. Вереи ворот, сами ворота и калитка обшиты профильной доской. Створки ворот украшены сухариками. Особо нарядный вид уличной стороне усадьбы придает дом с большими, украшенными наличниками окнами, а также богато декорированные мощные ворота.

Усадьба разделялась на два двора: чистый, передний, и скотный, устроенный за ним. Разделялись дворы завозней в виде арочного навеса с довольно пологой односкатной крышей и продолжающим завозню небольшим домиком - зимовьем с двухскатной крышей. Боковую сторону чистого двора - напротив дома - занимал ряд одноэтажных амбаров, плотно стоящих друг к другу, крытых одной двухскатной кровлей. В конце скотного двора располагались четыре стойки с единой над ними поветью.

Внутренняя планировка дома отличалась от традиционной крестьянской. Глинобитная русская печь, стоящая слева от входа (почти посредине избы), оставляла между собой и стеной узкий проход. В доме были устроены две филенчатые перегородки. Одна, продольная, образовывала две комнаты раздельного назначения: перед печью - кухню, за печью - спальню. Поперечная перегородка делила оставшееся пространство на прихожую и залу. Сам дом и внутреннее его устройство однозначно свидетельствовали о проникновении и в глухие уголки России (а Среднее Приангарье относилось в те времена к таковым) городской культуры. Эта тяга к городской культуре как к чему-то более возвышенному, более благополучному позволила даже в глухих сибирских деревнях изменить эстетические взгляды крестьян на жилье. Суровые дома с самцовой кровлей, стесненными внутренними пространствами, небольшими окнами, мало пропускающими свет, больше

Усадьба Зарубина, калитка.
Худож. В. Нефедьев

не соответствовали запросам крестьян. В Среднем Приангарье начал возникать новый тип домостроения и инфраструктуры крестьянского двора, который оказался недолголетним и не получил развития в последующие годы. В период коллективизации строительство крестьянами усадеб такого типа и масштаба, как у Зарубиных, однозначно вело к раскулачиванию и репрессиям.

Большая дружная семья Зарубиных в конце 1920-х - начале 1930-х гг. вела большое натуральное хозяйство, занималась нелегким крестьянским трудом: сеяла хлеб, растила скот, ловила рыбу, гнала смолу и деготь. Для получения смолы и дегтя за пределами усадьбы было построено зимовье, рядом с ним оборудована яма для выгонки дегтя. Однако основную часть дохода семья получала от охотничьего промысла на пушного зверя. Зарубины были известными в крае охотниками. Доходы от охотничьего промысла и природное трудолюбие позволили им с такой любовью построить для себя и потомков на долгие лета службы столь прекрасную, просторную и удобную для жилья в сибирских условиях усадьбу.

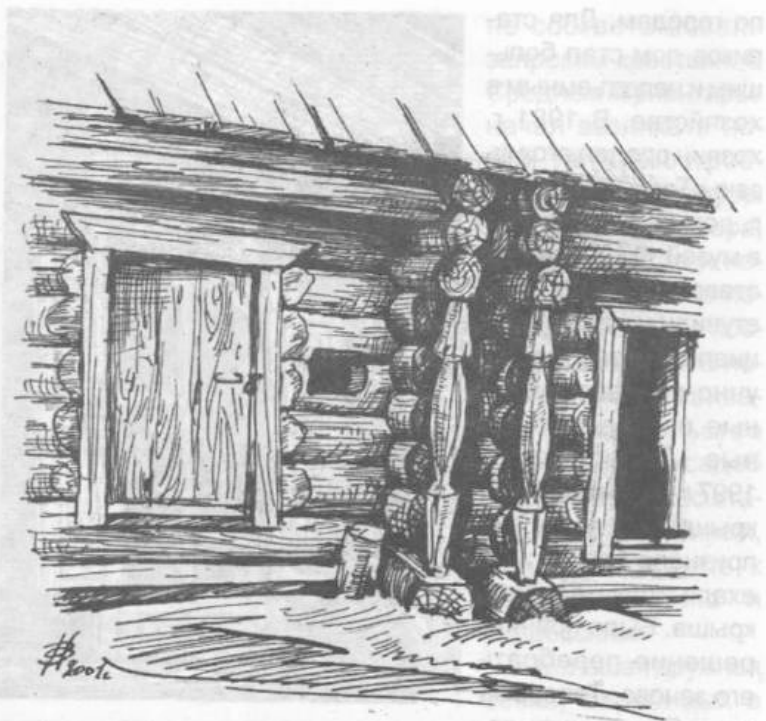
Человек предполагает одно, а судьба, к сожалению, располагает по-своему. Всего 50 лет верой и правдой прослужил дом семье Зарубиных. Выросшие дети разъехались

по городам. Для стариков дом стал большим и неподъемным в хозяйстве. В 1981 г. хозяин продал его музею «Тальцы». В 1990 г. дом был перевезен в музей. С 1992 г. к реставрации дома приступили местные Специализированные научно-реставрационные производственные мастерские. В 1997 г. собранный под крышу дом комиссия признала браком: поехали стены, просела крыша. Было принято решение перебрать его заново. Теперь за эту работу взялась реставрационная бригада самого музея. К

Усадьба Зарубина, фрагмент дома.
Худож. В. Нефедьев

тому времени музей получил федеральную лицензию на реставрацию. Проблем оказалось больше, чем первоначально думалось. Главная проблема заключалась в решении комиссии в целях экономии денег продолжить реставрацию усадьбы по обмерочным документам в связи с отсутствием рабочих чертежей на основной объем работ. Но комплектность даже обмерочной документации была неполной, и все же столь неординарный подход к реставрации позволил благополучно завершить ее в декабре 2000 г. Усадьба Зарубина с полной ее инфраструктурой была принята рабочей комиссией в эксплуатацию. Значимость данного события для музея заключается в том, что с вводом усадьбы Зарубина в эксплуатацию музей перешел на качественно новый этап формирования музейных экспозиций:

Усадьба Зарубина, фрагмент амбаров. Худож. В. Нефедьев

экспозиций, способных работать в зимних условиях, даже в самые лютые сорокаградусные сибирские морозы. Дом Зарубиных - это первый в музее «Тальцы» дом, выполненный не по принципу архитектурных макетов (как в большинстве музеев России), а построенный в постоянном, теплом варианте. Он отапливается скрытыми за русской печью и невидимыми для посетителей слюдокерамическими обогревателями (95 °С).

В музее «Тальцы» все отреставрированные крестьянские усадьбы носят имена их основателей: дома Серышева, Непомилуева, Московского, Прокопьева. К замечательной плеяде строителей сибирских усадеб XVIII - XIX вв. теперь прибавилась еще одна фамилия - Зарубина, строителя сибирской усадьбы уже начала XX в.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ МУЗЕЕВ

(г. Санкт-Петербург, 17 - 21 декабря 2000 г.)

Владимир Ильич Толстой,
*председатель Центрального совета
Ассоциации музейных работников
(АМР), г. Тула*

Уже сам по себе созыв такого крупнейшего за последние десятилетия Всероссийского совещания музеев - огромное событие для музейного дела России, как мне кажется, наша большая победа, потому что оно является прямым следствием существенного изменения роли музея, его миссии в современном обществе и одновременно официальным признанием заметно возросшей активности музейного сообщества, идущего снизу от самих музеев осознания необходимости профессионального объединения и защиты корпоративных интересов. Не случайно именно в последние годы повсеместно, в различных, подчас значительно удаленных друг от друга регионах, стихийно возникали общественные музейные объединения, начиная с Союза творческих музейных работников Санкт-Петербурга и Ленинградской области, музейного Агентства в Республике Карелия, Ассоциации «Открытый музей» в Красноярске, объединения муниципальных музеев Поволжья, музеев Нижней Оки в составе Ассоциации музейных работников регионов России - организации, объединяющей на сегодняшний день свыше 420 музеев из 30 регионов России. И все эти общественные объединения вопреки прогнозам пессимистов, предрекавшим им скорую кончину, ведут реальную деятельность, реализуют десятки и сотни совме-

стных программ и проектов, проводя при финансовой поддержке негосударственных фондов такие крупные акции, как знаменитые уже Красноярские биенале, Поволжские пикники, музейные конкурсы, тренинговые семинары, конференции и даже музейные съезды, как, скажем, год назад в Звенигороде, где собралось свыше 300 делегатов, плодотворно поработавших по всем основным направлениям музейной деятельности.

Но вся эта невиданная прежде активность, стоит признать, не от хорошей жизни. Кризис государственного регулирования и государственной финансовой поддержки деятельности всей социальной сферы в целом, культуры и музейного дела в частности, особенно в период 1995 - 1998 гг., вынудил нас искать новые, нетрадиционные пути привлечения очевидно недостаточных для сохранения и развития наших музеев средств.

Однако смею предположить, что не только нужда заставила нас шевелиться. Многие, очень многие музейщики в период этого полураспада нашего российского общества, наблюдая повсеместный упадок морали и на глазах стремительно нарастающие процессы деградации, подмены ценностей, утраты национального культурного достоинства, - многие почувствовали свою личную ответственность за происходящее и то, что именно музеям, я в этом глубоко убежден и хочу это подчеркнуть особо, именно **музеям** выпадает роль не только главного хранителя национального достояния, но и, быть может, ранее несвойственная или не до конца осознанная роль (функция) социального института, ответственного за формирование среды, в которой мы живем, за процессы воспитания, образования и культурного обогащения общества. Особенно остро и ярко это проявилось в провинции - ушли в небытие дворцы и дома культуры (пионеров и т. д.), сникли и даже исчезли многие библиотеки (прежде всего сельские), оказались не готовы к публичной активности архивы, скатились на ходовой попсовый репертуар многие филармонии. Я знаю десятки городов, где только музеи сохрани-

лись как островки живой жизни, энтузиазма, фантазии и энергии (в Тульской области: Богородицк, Крапивна, Белев, Одоев).

Но при этом я чрезвычайно далек от мысли, что у нас все благополучно, и совсем не собираюсь представлять картину в розовых тонах. Напротив - тут я подхожу к главному, - **так неимоверно тяжело, порой почти невыносимо трудно работать**, как последние полтора-два года, не было никогда. Такое ощущение, что нас загнали в темный угол, обложили барьерами и флажками и уже объявили на нас тотальную облаву. Да, необходимо признать, что последние два года правительство неукоснительно исполняет бюджет на 100 %, - но позвольте, что это за бюджет, если в абсолютном денежном выражении он не составляет и 1/3 (1/4) от того, что предусматривалось государством на сохранение культуры до августа 1998 г., не говоря про уже почти забытые более благополучные периоды нашей новейшей истории.

Нет, безусловно, стабильность по минимуму, которая отличала последние два года, все-таки несравненно лучше, чем произвольное выполнение, а на деле невыполнение бюджетов предыдущих трех-четырёх лет. Но, извините, за эту сегодняшнюю государственную копейку нас разве что на кол еще не посадили. Сложнейшая и довольно бессмысленная бюджетная классификация и кодировка, издевательства местных управлений федерального казначейства, постоянный пресс налоговых, таможенных, контрольно-ревизионных, счетных, аудиторских, валютных, муниципальных, региональных, федеральных, космических проверок, комиссий, каждая из которых яростно и остервенело отработывает свой хлеб и доказывает свою нужность в государственной системе, к сожалению, почти никогда не пытаюсь вникать в содержательный аспект нашей деятельности, исключая понятия целесообразности, разумности, пользы дела, нужности обществу, созидательности и здравого смысла. С нездоровым азартом и усердием тщатся они заловить руководителей музеев на ка-

ком-то абсолютно недоступном моему понятию **нецелевом** использовании средств, идущих в реальности исключительно на выполнение именно уставных целей и задач музея. В хозяйственной деятельности нас приравнивали к предпринимательским структурам, задушив безумными налогами и сборами и норовя при этом поместить в тесную казначейскую клетку наши собственные доходы, которые и так в полном объеме реинвестируются в развитие музея.

А система многоэтапных согласований и экспертиз каждого инвестиционного проекта, порождающая прямой произвол местных и федеральных монополистов - газовиков, электроэнергетиков, землеустроителей, чиновников всех администраций?!. И если принципиально не идешь на компромиссы, то в результате просто не дают ничего строить.

А формальные, никому не нужные, нигде не работающие тендеры? Объявите тендер на поставку электрических лампочек или канцелярских принадлежностей - абсурдность этого, кажется, негласно признана, и в последнее время их объявление не каждый раз требуют. Ну разве не абсурдно выглядит тендер на те же строительные работы, если они и так регламентированы местными и федеральными нормативами и предложить стоимость работ ниже этих нормативов может либо полный идиот, работающий себе в убыток, или заведомый жулик? Какой тендер, в чем состязательность подрядчиков?

А запрет на предоплаты и авансирование работ? Разве наша экономика достигла того идеального состояния, когда организации, выполняющие работы или оказывающие услуги, обладают достаточными оборотными средствами и готовы работать на условиях вложения собственных денег под будущую оплату бюджетной организации? Может быть, в Москве такое еще можно встретить, но, например, в Туле и ее окрестностях не приходилось. И как тогда работать? Казначейство цинично рекомендует подписывать акты не сделанных еще работ, липовые договоры с немыслимыми и заведомо невозможными

трехдневными сроками поставок и исполнений. Последствия их не волнуют. Не хочешь подставляться - сворачивай всякую деятельность и сиди не рыпайся. А хочешь что-то делать, садись на крючок. Интересно, кто это все придумал, хотелось бы посмотреть этим людям в глаза.

По моему глубокому убеждению, подтвержденному реальной практической работой, большинство нововведений бюджетного и налогового регулирования не только не способствуют развитию, созидательной направленности и коммерческой эффективности деятельности наших учреждений культуры, но и, напротив, окончательно опутали нас по рукам и ногам, сковывают наши возможности и в конечном счете отбивают всяческую охоту проявления какого бы то ни было рвения на этом поприще. Складывается впечатление, что поставлена цель снова загнать нас вглубь собственных раковин, показать сверчку его шесток. Или это просто недаленовидная политика.

Чтобы больше не возвращаться к теме бюджетного и налогового регулирования, хочу подчеркнуть - я вовсе не призываю к отмене контроля со стороны государства или к введению особых льгот, неизбежно ведущих к финансовым злоупотреблениям. Необходима выработка простых и четких норм финансового регулирования, с одной стороны, дающих руководителю известную свободу в осуществлении финансовой политики для реализации уставной деятельности музея, с другой - жестко и однозначно пресекающих любые попытки увода денежных средств за пределы сферы уставной деятельности. Мне эта задача не представляется невыполнимой.

Схожий принцип применим и в налоговой политике. Если прибыль направляется (реинвестируется) музеем на выполнение основных уставных целей и задач, она не может и не должна облагаться налогами так же, как и та часть прибыли, которая идет в коммерческий оборот. И здесь механизм просматривается вполне отчетливо.

Среди вопросов, которые нам предложено обсудить на нашем совещании, есть и система оплаты труда музейных работников - тема, обсуждение которой звучит

почти так же неприлично, как разговор о веревке на похоронах повешенного. Стыдно называть это нищенское подаяние - заработной платой, стыдно два раза в месяц смотреть в глаза людям, для которых ты - работодатель, то есть человек, несущий прямую ответственность за размер жалования, стыдно без конца оправдываться, утешать и обнадеживать впадающий в унылое отчаяние коллектив. Невозможно стало удержать в музее пенсионеров - некогда наш оплот в среде зрителей и технического персонала. Тем более невозможно удержать молодых, талантливых специалистов - ученых, программистов, маркетологов, юристов, экономистов, квалифицированных реставраторов, даже рабочих. С кем мы завтра останемся? Кто придет на смену сегодняшнему «золотому фонду» преданных и профессиональных музейщиков, работающих не за зарплату, а по чувству долга? Ориентироваться на пресловутую индивидуальную финансовую поддержку из грантов зарубежных благотворительных фондов, величина которой за выполнение разовой проектной работы подчас выше не только месячного, но и годового оклада музейного сотрудника? Но ведь гранты эти (за которые мы, безусловно, глубоко благодарны, ибо они не дают помереть с голоду) в подавляющем большинстве случаев поддерживают не основную музейную хранительскую и исследовательскую работу, а проведение побочных, дополнительных акций. Так кто же после этого захочет выполнять свои прямые обязанности?

И здесь повышение заработной платы на 20 или 30 % абсолютно не решит проблему. Реально зарплата должна быть увеличена на 200 - 300 %, то есть в три - четыре раза. Совершенно очевидно, что такой возможности у государства нет, хотя если бы оно чуть больше дорожило историческим наследием прошлого и чуть больше задумывалось о будущем, то не допустило бы такого чудовищного перекося и разрыва в оплате труда музейных работников и, скажем, работников газовой промышленности.

Добиваться лучшего отношения к труду музейщиков, поднимать престиж профессии необходимо, но нам ре-

шительно нельзя уповать только на милость государства. В наших руках большие возможности и несметные богатства, которыми мы должны рачительно и эффективно оперировать.

Туризм без нас невозможен - отчего же тогда львиная доля прибыли от туристической деятельности идет мимо музеев? Воспроизведение произведений искусства и исторических раритетов также весьма доходное дело - почему же средства в основном оседают в издательских и рекламных фирмах? Архивная информация, которой мы обладаем, опять же стоит денег, а нас раз за разом облапошивают и в ее использовании.

Нашими именами и изображениями усеяны конфетные коробки и пивные этикетки, а механизмы, регулирующие использование товарных знаков, практически не работают. Примеры можно продолжать и продолжать.

Каким быть сегодняшнему музею, к лицу ли ему заниматься иными видами деятельности, кроме фондохранительской и экскурсионно-просветительской? Зачем музеям влезать в сферы образования и воспитания, туризма, рекламной и издательской деятельности, устраивать музыкальные и театральные фестивали, возрождать фольклорные праздники и традиционные народные промыслы? Я выскажу свою личную точку зрения - состояние нашего общества, его нравственный и интеллектуальный уровень, его социальное положение сегодня таковы, что мы - руководители музеев, в фондах которых сосредоточено основное богатство страны - ее национальное культурное достояние, - просто не имеем права ограничиваться решением только сугубо профессиональных проблем, не должны, как бы ни было тяжело подчас обеспечить элементарное сохранение и безопасность наших коллекций, сосредотачиваться только на самих себе. Вокруг нас среда, которая не может нас устраивать. Может, я и не прав, но мне кажется, что нам следует принять не сухую констатирующую резолюцию, а выражающее наши чаяния и боль обращение на имя Президента России.

Музейное дело России - сохранение и распростране-

ние национального исторического и культурного наследия - стратегически ничуть не менее важная для страны отрасль деятельности, чем нефтегазовая промышленность или атомная энергетика. Не может быть будущего без бережного и ответственного отношения к прошлому.

Летопись великих побед российского оружия, бесценные духовные кладовые национальных гениев и героев, высшие образцы художественного творчества, археология, этнография - фактическая, материальная стоимость этой сокровищницы культуры, сосредоточенной в музейных фондах, в сотни тысяч раз превышает все золотовалютные и топливно-сырьевые запасы страны, - не говоря уже о не имеющем цены сакральном значении историко-культурного достояния.

Почему же в таком униженном и жалком положении держит государство тех людей, которые по долгу памяти и велению сердца охраняют, изучают, систематизируют и пропагандируют в обществе эти непреходящие ценности?!

Правительственные чиновники оценивают труд музейного работника ниже уровня прожиточного минимума, ниже пенсионного обеспечения и пособия по безработице. Логическим результатом этой недальновидной политики стало практически полное прекращение потока новых, молодых сил в музеи и (после принятия пенсионных законов) массовый исход вполне работоспособных сотрудников пенсионного возраста, которым стало просто невыгодно работать в учреждении культуры.

Над музеями России нависла совершенно реальная угроза кадровой катастрофы.

Не менее тревожной выглядит и проблема безопасности музейных коллекций. Устаревшие системы охранной сигнализации требуют немедленной модернизации, вневедомственная охрана отказывается обслуживать отжившее свой срок оборудование. Резко возросли расходы на содержание милицейской или иной военизированной охраны, а бюджеты многих субъектов Российской Федерации не учли этого и не предусмотрели необходи-

мых лимитов - и сегодня повсеместно известны случаи уменьшения численности охраны объектов культурного наследия, снятия отдельных постов, а в иных ситуациях и полного отказа от несения охранной службы. При той степени криминализации общества, которую мы сегодня наблюдаем, последствия, увы, очевидны.

Настоящим бедствием для работы музеев стало принятие новых Бюджетного и Налогового кодексов и введение казначейской системы осуществления платежей, абсолютно игнорирующих специфику музейной деятельности, не учитывающих сложившиеся на сегодняшний день экономические и социальные реалии, по сути уничтожающих те скромные ростки самостоятельной хозяйственной деятельности музеев, которые появились в последнее десятилетие. Агрессивный характер этих законодательных актов и их исполнителей на местах ничуть не препятствует неблагоприятным или корыстным финансовым махинациям, но практически полностью парализует созидательную работу музеев, развитие новых направлений и делает бессмысленными попытки музейных руководителей получить сверхбюджетные доходы и привлечь внебюджетные средства.

Как известно, государство никаким образом не пытается стимулировать потенциальных благотворителей и меценатов, не получающих сегодня экономических стимулов для поддержки культуры и искусства.

Есть у музейщиков России и другие проблемы - их перечисление могло бы занять еще несколько страниц текста - мы не хотим утомлять высшее руководство страны нашими профессиональными сложностями, но, впервые за последние 60 с лишним лет собравшись на Всероссийское совещание, 400 директоров всех крупнейших музеев России обращаются к Президенту Российской Федерации, Правительству России с настоятельной просьбой обратить самое пристальное внимание на музеи России, ибо их сохранение и благополучие - суть сохранение безопасности и благосостояния России.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Утверждено:
Комитет по культуре
администрации
Иркутской области

Согласовано:
Координационный
совет по культуре
Межрегиональной ассоциации
«Сибирское соглашение»

В.И. Кутищева

В.И. Бедин

24 июля 1999 г.

ПОЛОЖЕНИЕ

о Научно-методическом центре Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом архитектурно-этнографического профиля на базе архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск)

1. Цели и задачи Научно-методического центра Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом архитектурно-этнографического профиля

1.1. Научно-методический центр создается для аккумуляирования, анализа и распространения новейших достижений в области науки скансенологии среди учреждений культуры сибирско-дальневосточного региона, занимающихся проблемами сохранения и музеефикации деревянного зодчества, формирования и эксплуатации музеев архитектурно-этнографического профиля, мемориальных комплексов архитектурно-этнографического профиля, архитектурно-этнографических заповедников, музеев деревянного зодчества и народного быта.

1.2. Научно-методический центр проводит работу по определению наиболее оптимальных вариантов со-

хранения и передачи будущим поколениям основных элементов материальной и духовной культуры народов сибирско-дальневосточного региона.

1.3. Научно-методический центр подбирает специалистов для проведения экспертной оценки предлагаемых для экспертизы проектов, инициатив и т. д., касающихся проблем формирования и эксплуатации музеев архитектурно-этнографического профиля, музеев деревянного зодчества, народного быта, музеев историко-архитектурно-этнографического профиля, музеев-заповедников.

1.4. Научно-методический центр проводит разработку и внесение предложений в рамках законодательной инициативы, направленных на сохранение историко-культурного наследия сибирско-дальневосточного региона.

1.5. Научно-методический центр распространяет передовой опыт реставрации недвижимых памятников истории и архитектуры деревянного зодчества и при необходимости организует экспертизу.

1.6. Научно-методический центр ведет издательскую деятельность, издает научно-популярный журнал «Тальцы» по проблемам музеев под открытым небом, архитектуре, этнографии, этнической истории, топонимике.

1.7. Научно-методический центр организует с целью повышения квалификации стажировки специалистов-музееведов по основным областям науки скансенологии и процесса эксплуатации музеев типа скансенов.

2. Состав и структура Научно-методического центра Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом архитектурно-этнографического профиля

2.1. Базовым учреждением Научно-методического центра является архитектурно-этнографический музей «Тальцы».

2.2. Рабочим органом Научно-методического цент-

ра является Координационно-методический отдел архитектурно-этнографического музея «Тальцы» и штат экспертов, согласованный на Региональной Сибирской подсекции этнологического наследия Федерального научно-методического Совета Министерства культуры РФ.

2.3. Руководителем Научно-методического центра Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом архитектурно-этнографического профиля является директор АЭМ «Тальцы».

2.4. Функции заместителя руководителя Научно-методического центра Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев архитектурно-этнографического профиля передаются заместителю директора АЭМ «Тальцы» по методической и координационной работе.

3. Правовая основа деятельности Научно-методического центра Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев под открытым небом архитектурно-этнографического профиля

3.1. Научно-методический центр проводит свою работу в соответствии с действующим законодательством РФ, положением о Министерстве культуры РФ, иными нормативными актами, а также компетенцией, определенной настоящим Положением.

3.2. Разрабатываемые Научно-методическим центром нормативно-методические рекомендации в обязательном порядке передаются на Региональную Сибирскую подсекцию этнологического наследия ФНМС Министерства культуры РФ для последующего согласования и придания статуса нормативных документов.

4. Ликвидация

4.1. Ликвидация Научно-методического центра Сибири и Дальнего Востока по проблемам музеев архитектурно-этнографического профиля принимается решением Координационного совета по культуре ассоциации «Сибирское соглашение» или приказом Министерства культуры РФ.

4.2. Научно-методический центр проводит работу по...

27 - 30 июня 2000 г. Улан-Удэ. Россия. Региональная научно-практическая конференция «Новые информационные технологии в культуре и образовании». Ее целями являлись привлечение внимания широкой общественности к решению проблем, связанных с внедрением новых информационных технологий в учреждениях культуры Восточной Сибири; обсуждение теоретических проблем и анализ практического опыта использования новых информационных технологий в управлении и образовательном процессе высших и средних учебных заведений. Проводилась Восточно-Сибирской государственной академией культуры и искусств. Материалы конференции опубликованы в одноименном сборнике (Улан-Удэ, 2000).

27 сентября - 1 октября 2000 г. Улан-Удэ. Россия. Межрегиональная научно-практическая конференция «Образование и культура XXI века», посвященная 40-летию Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств и 5-летию факультета культурного и природного достояния. Заседания конференции проводились по двум секциям: «Наследие. Сохранение и трансляция» и «Региональная культура. Проблемы исторической культурологии». Материалы конференции вошли в сборник «Образование и культура XXI века» (Улан-Удэ, 2000. - В двух томах).

15 - 17 ноября 2000 г. Иркутск. Россия. Вторая областная научно-практическая конференция «Экологическое образование: теория, практика, проблемы». Проводилась в целях формирования системы непрерывного экологического образования населения области, повышения квалификации работников образования, обмена опытом работы по организации экологического воспитания и просвещения. Конференции предшествовал конкурс программных, учебно-методических и научно-методических разработок по экологическому образованию. Разработки, прошедшие конкурсный отбор и рекомендованные к тиражированию экспертным советом, были опубликованы. Другим результатом конференции стал сборник тезисов докладов и сообщений.

Кузнецова М.В. Иркутская школа (XVIII - первая половина XIX веков). - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2000. - 174 с.

В монографии впервые на обширном фактическом материале рассматривается история зарождения и развития народного образования в Иркутске. В работе выделены особенности Иркутска как образовательного центра, показано значение учебных заведений в культурной жизни, обобщены данные о различных учебных заведениях, развитии школьной сети города, имеются сведения об образовательном уровне отдельных социальных слоев населения Иркутска. Образовательный процесс в городе Иркутске - центре огромного Восточно-Сибирского региона - показан в тесной связи с развитием народного образования как в России в целом, так и в других ее регионах. Такой подход позволяет дать объективную оценку уровню развития народного образования на общероссийском фоне.

Приангарье: годы, события, люди: Календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2001 год / Сост. А.Ю. Исаев. - Иркутск: Изд. Иркут. обл. публ. б-ки им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2001. - 248 с.

Книга подготовлена к изданию отделом краеведческой литературы, библиографии и книжных памятников Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского. 34-й выпуск календаря, вышед-

ший в 140-ю годовщину со дня основания Иркутской публичной библиотеки, стал юбилейным. В нем отражаются знаменательные даты из экономической, культурной, общественной жизни края, содержатся биографии иркутских ученых и писателей. Исторические справки к наиболее значительным датам снабжены тематическими библиографическими списками. В издании помещены цветные и тонированные иллюстрации, портреты известных в области людей, внесших весомый вклад в историю края. Книга помещена на сайте библиотеки по адресу: <http://cultura.baikal.ru/kalendar2001>.

Шаньшина Е.В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России: (Опыт мифологической реконструкции и общего анализа). - Владивосток: Дальнаука, 2000. - 157 с.

Монография посвящена одной из самых малоисследованных сторон в культуре современных тунгусоязычных народов бассейна Нижнего Амура - архаическим представлениям о возникновении Земли и происхождении первого поколения людей. Впервые данная проблематика изучается в масштабе всего региона. На разнообразном материале реконструируются представления о творении суши птицами и антропоморфными демиургами, о происхождении первых людей из деревьев, от брака с животными, в результате инцеста прародителей и некоторые другие взгляды. В работе дан опыт подробного стадийного и этнокультурного анализа подобных воззрений.

«ТАЛЬЦЫ» В ИСТОКЕ

Иван Козлов

Сороковые роковые, шестидесятые легендарные... Теперь это уже история, ностальгия, а частично и забвение, и только память извлекает из времени напластования имен и событий. «Тальцы» на сорок седьмом километре - комплекс памятников деревянного зодчества, этнографии, живые, сверкающие фрагменты культуры разнонациональных этносов Прибайкалья, которые в искусном и несколько искусственном, что и не страшно, театрализованном виде в краске, музыке, слове, действе возвращают нам обычаи, традиции молодых и древних насельников Иркутской земли - звенков, бурят, тофалар, русских.

Звенки - они дали название якутам - «якут», что означает «пришелец», «чужестранец», подчеркнув тем самым свое древнейшее сидение и кочевье в байкало-алтайском ареале. Якуты не хотят именоваться пришельцами и имеют свое самоназвание - саха.

Тофалары - карагасы, «черные гуси» - неистребимая и яркая примета корневой связи с живой природой земли и ее мощным движением.

Буряты - окончательно пришедшие и осевшие вокруг Байкала в одиннадцатом-двенадцатом веках, будучи вытесненными из Центральной и Северной Монголии всеокрушающей государственностью чингизидов, мечтавшей раздвинуть границы господства до пределов Вселенной.

Русские - самый молодой, самый многочисленный

и деятельный этнос, там далеко, в своей метрополии, за Уралом, с трудом и за несколько веков перемоловший военно-государственный монолит чингизидов, в порыве обратного движения «встреч солнцу» достигнул аж до берегов Великого океана.

Вот об этом обо всем и свидетельствуют «Тальцы».

Время обширного, всеохватного перемещения народов прошло - Земля стала маленькой, и опыт, культура и сознание человечества вплотную придвинулись к необходимости выработки и усвоения общепланетарного и космического мышления и духа. Этим самым и заняты «Тальцы», сколь бы ни был велик или мал круг повседневных деяний музея. Только с этой позиции «Тальцы» и очаги, подобные им, что-то и значат, что-то вершат.

«Тальцы» молоды, молодо наше общепланетарное мышление, но не будем закидывать взгляд высоко. Когда и как начинались они, кто и каким образом впервые подвигал их создание и развитие, определял им конкретное место на берегах Иркутского моря и когда это было?

Немного воспоминаний об этом, ибо судьба не обнесла меня первой чашей, надо думать, вечного праздника «Тальцов».

Сороковые роковые - это поколением старше, а мы - ярко выраженные шестидесятники, свидетели и участники одного из самых шумных и динамичных периодов нашей истории. Тогда мы все вышли в космос, строили самые большие в мире тепло- и гидростанции, издавали самое большое количество книг, наше искусство было гуманным и пользовалось большим спросом на всех континентах. Мы становились военно-дипломатической, энергетической, духовной и научной сверхдержавой, но одновременно мы не были экономической сверхдержавой, хотя нам это всегда обещали.

В начале шестидесятых началось заполнение Братского моря и в зоне затопления оказались сотни деревень и поселков, в том числе и такие старинные рус-

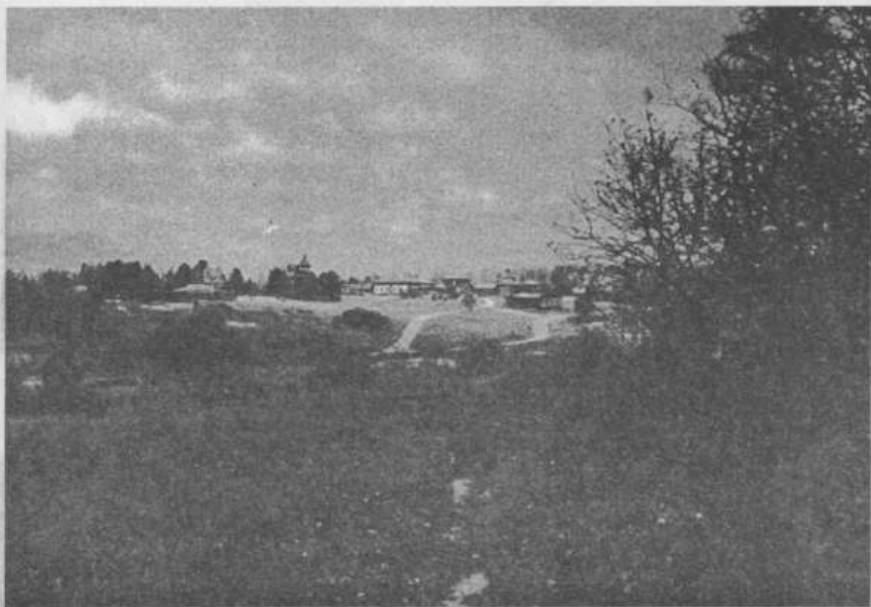
ГРАЖДАН

Музей «Тальцы». Юго-восточная часть территории.

Фото И. Бержинского

ские поселения, как Братск и Илимск. В те годы по академическим канонам изучение быта и культуры русского населения Прибайкалья в основном базировалось на изучении трех первых русских поселений - Братска, Илимска и Бельска, и вот два из них должны были исчезнуть. В зоне затопления оказалось огромное количество памятников деревянного зодчества - жилых усадеб, мельниц, острожных башен и прочего, и самые ценные и оригинальные из них следовало спасать - разобрать, перевезти и реставрировать. Тогда-то и решено было создать где-то в Прибайкалье музей-заповедник под открытым небом, наподобие тех, что уже существовали в метрополии, например Кижи. Думаю, Иркутску сильно повезло, что в те годы сюда была направлена обследовать все памятники зодчества и выявлять степень их возможной реставрации Галина Геннадьевна Оранская, сотрудница Всесоюзного произ-

водственного научно-реставрационного комбината в Москве, крупнейшего и ведущего реставрационного центра страны. Галина Геннадьевна была человеком не просто увлеченным, а напористо одержимым своим высокоученым и глубокопрофессиональным ремеслом. Энергичная, подвижная, громкоголосая, несмотря на свои годы и некоторую полноту, она вполне давала фору многим людям значительно моложе ее. Мне много раз довелось встречаться с ней, общаться, слушать ее замечания и сообщения по каким-либо памятникам, выполнять ее поручения. И всегда она удивляла меня своей неумолимой динамичной устремленностью. Внешне простоватая, несколько небрежно одетая, она являла тип человека, под неброской внешностью которого скрывался мыслитель и волевой профессионал, именно поэтому ей доверили вести первые реставрационные работы в нашем городе по первой, самой важной и ответственной, очереди исторических памятников - Спасская церковь, Богоявленский собор, дом Трубецкого, польский костел. Галина Ген-

надьевна разработала первый генеральный проект музея деревянного зодчества под открытым небом, именуемого ныне старым местным названием «Тальцы».

Она приехала в Иркутск в 1959 году с целью обследования старинных построек города, их состояния, да так и осталась при них на весь этап изучения и реставрации, который растянулся на двадцать лет. В те годы проблемами памятников Сибири и в частности Иркутска занимались в нашем городе историки и исследователи - А.П. Окладников, Ф.А. Кудрявцев, В.И. Дулов, А.Д. Фатьянов, С.Ф. Коваль и другие. С ними сотрудничала и находила у них поддержку и Оранская. Со всеми ними, кроме В.И. Дулова, мне довелось общаться и сотрудничать. И много раз. Моим основным видом деятельности являлась фотография с уклоном в историю и краеведение, а искусство фотографии, как известно, вещь универсальная. Вот тут-то для меня и открывался простор, фактически не ограниченный. В 1967 - 1968 годах я заведовал фотолабораторией краеведческого музея и моим непосредственным начальником был В.В. Свинин, ныне здравствующий педагог, музеевед, кандидат исторических наук, в котором уже тогда угадывалась тенденция глубокой и четкой методологии. Однажды летом 1967 года он вызвал меня к себе и, в упор глядя немигающими глазами, начал задавать вопросы:

- У тебя широкоформатная камера есть?

- Есть.

- Какая?

- «Москва».

- Пленка есть?

- Есть.

- Кассеты заправлены?

- Да все есть и все готово.

- Вот и хорошо, а теперь слушай. У нас тут работает архитектор-реставратор из Москвы, Оранская. Из зоны затопления будут вывозить много памятников архитектуры - старые дома, мельницы, и она проектиру-

ет музей. Завтра возьмешь фотоаппарат, пленку и поедешь с ней и с кем-то там из областного отдела культуры и будете выбирать площадку для будущего музея.

О, какая честь, как звучит! Но я прекрасно понимал, что выбирать будут Оранская и «кто-то там» из областного отдела культуры, а мое дело снимать - фотографировать на широкую пленку то, что они попросят, и еще, возможно, нужен абориген, неплохо знающий эти места. На роль аборигена, может, и слабовато, но я тоже тянул - как-никак русский сибиряк в девятом колене, в третьем колене иркутянин. Годится.

Назавтра в девять утра мы сошлись у дома Тышковского, прямо у входа в нижний магазин (угол К. Маркса и Литвинова). Впрочем, Галина Геннадьевна приехала из гостиницы и уже сидела в черной «Волге», которую предоставила городская администрация. Сопровождать Оранскую областной отдел культуры откомандировал Юрия Ефимова, знакомого мне историка, бывшего сотрудника краеведческого музея, интеллигентного спокойного человека, тоже коренного иркутянина. Областной отдел культуры располагался тогда на третьем этаже того же дома Тышковского, и Юрий в назначенное время спустился с третьего этажа. Мне добираться тоже было несложно - фотолаборатория музея и его фонды размещались в те годы на втором этаже магазина «Лена», со двора, вплотную к тому же дому.

Мы с Юрием устроились на заднем сиденье, Галина Геннадьевна впереди - так она пожелала, - и с Богом. В дороге разговаривали в основном они с Юрием, конечно, о проблемах культуры, о будущем музее деревянного зодчества, о том, как трудно дают деньги на культуру и как хорошо следует выбирать место для будущего архитектурного заповедника.

Выскочили за город к плотине ГЭС - простор, оком, никаких микрорайонов - ни Байкальского, ни Солнечного, не было и в помине, картофельные поля,

Музей «Тальцы» сегодня. Экспозиция «Волостное село».

Фото И. Бержинского

перелески да у самого берега Ангары кирпичный завод. За плотиной речники уже сооружали причал для «ракет» и катеров, чтобы возить на Байкал туристов.

Осмотр мы начали где-то с двадцатого километра - сворачивали на проселочную дорогу к морю и как умели определяли, каков съезд, хорош ли вид на само море, достаточно ли красив лес, есть ли открытые места для сооружений, для служб и стоянок для транспорта. Кто-кто, а Оранская хорошо знала, как и по каким признакам наши предки выбирали места для храмов - обязательно возвышенность, обязательно близ воды, а также близ леса. Оранская четко придерживалась этих правил - она понимала ответственность момента.

В разных местах мы направлялись к морю по мест-

ным дорогам раза три-четыре, но ее все что-то не устраивало - то берег низкий и заболоченный, то оком ограниченный, то соседство каких-то построек, то вообще не глянется и все тут. К середине дня добрались, наконец, до сорок седьмого километра и, раскачиваясь на выбоинах торной дороги, опять медленно покатали к морю. Проехали лесок, и тут в виду обширного водного плеса обнаружили просторную свободную елань - только ближе к берегу, в сторону Байкала, еще сохранились заброшенные строения усадьбы - пятистенки, сеновал, баня, колодец, и, надо сказать, все добротное, крепкое, вполне пригодное к жизни. Откуда-то, то ли из леса, то ли из-за сараев, выявился худощавый, темный от ветра и загара мужик неопределенных лет, радостно что-то нам говорил, угадывая в нас покупателей, и предлагал всю усадьбу за восемьсот рублей - цена даже по тем временам бросовая. Но куда это нам - усадебное хозяйство было не в чести, жители все ото-

шли в город, чтобы добраться сюда, нужен личный транспорт, и вообще мы люди городские, а скоро здесь и вовсе будет музей, и усадьба, в лучшем случае, будет лишь изначальной базой, а потом и сойдет на нет. Так, честно говоря, впоследствии все и случилось. То, что Оранская выберет именно это место, мы с Юрием уловили еще на подходе сюда, к елани - Оранская то и дело выходила из машины, озирала даль из-под руки и произносила четко:

- Хорош вид, хорош...

Сцепив руки за спину под светлым плащом, немного вперед, внаклонку, она обходила елань, примеряла ее на глаз, показывала пальцем - ну-ка встаньте вон там, подгни-ка сюда машину, сними-ка вот это, в ту сторону тоже сними, вот эту поляну и взгорок захвати в кадр, спуск к воде обязательно зафиксируй - может, когда причал здесь соорудим. Я снимал все на пленку, Юрий тоже ходил, осматривал, Галина Геннадьевна набрасывала какую-то схему, повороты дороги и обрывы берегов, прибрассывала небольшие расстояния, а большие она пронаблюдала еще в машине по спидометру. Наконец удовлетворенная, приуставшая, она скинула плащ, постелила его на травяном бугре и села, по-деревенски вытянув вперед ноги. Мы тоже расположились вокруг, отдохали, и как-то само собой решилось - пора перекусить. У нас с Юрием (ну конечно случайно) оказалась бутылочка водки, у водителя - огурцы и помидоры, у Галины Геннадьевны - чуть ли не московские бутерброды и у всех вместе еще что-то, и самоходом учинилось первое заздравное застолье на земле будущего музея прямо под открытым небом. Ни до, ни после, много раз встречаясь с Оранской, я так никогда не уловил и не понял, как она относилась к горячительным напиткам, но в тот раз она пригубила рюмочку, именно рюмочку, бог знает откуда появившуюся по случаю. Галина Геннадьевна в похвалах и восторгах была сдержанна, водителю испить не полагалось - за рулем, а мы с Юрием, оба молодые и крепкие, находясь на положении вольноопределяющихся по временной службе, позволили себе приличествующие

случаю тосты за светлое будущее музея и за все радости, которые тут должны иметь место, но только названия «Тальцы» мы не употребляли - дать имя музею стало радостью других людей.

Через несколько дней я передал Галине Геннадьевне десятка два фотографий широкого формата, приложил негативы и какие-то описания, она увезла их в Москву и, возможно, пристроила к делу. Никакого моего дальнейшего участия в создании будущих «Тальцов», хотя бы и косвенного, не прослеживается, и поездка с Г.Г. Оранской - единичный случай отношения к этому проекту, но поскольку это был первый шаг во всю эпопею «Тальцов», то он остается для меня и дорогим, и ярким.

Директор музея выписал мне за работу премию в размере десяти рублей, что пришлось неплохой добавкой к моему восьмидесятирублевому жалованию, а дружбу с Юрием Ефимовым мы сохранили на все годы, до самых его последних дней.

Об авторе: **Иван Иванович Козлов** - историк, краевед, автор книг «Колокола не умолкают» (о серебряниках, литейщиках пушек и колоколов, художниках по фарфору, камнерезах Прибайкалья), «Путеводитель по Иркутску», «Самая долгая зима» (о С.М. Кирове в Сибири) и нескольких других. Участник Всесоюзной конференции по декабристам и Всесоюзной юбилейной (25-й) Пушкинской конференции в Ленинграде. Собиратель и создатель музеев: Иркутской чаеразвесочной фабрики, пассажирского вагонного депо, курорта «Ангара», Восточно-Сибирского речного пароходства, музея истории сибирской и иркутской фотографии (совместно с Р. Берестеневым), музея «Ледокол «Ангара»», принимал участие в создании Ангарского музея часов и Музея истории города Иркутска, открытие которого состоялось 4 октября 1996 г.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ЗАКОН БОЖИЙ?*

1. Если Бог - невидимый Дух, то почему Он изображается на святых иконах видимым образом?
2. Как читается хвалебная молитва Господу Богу?
3. Как читается первый член Символа христианской Веры?
4. Почему десять заповедей Закона Божия размещены были на двух скрижалях?
5. Что есть Евангелие?
6. Что здесь перечислено: Рождество Пресвятой Богородицы. Введение во храм Пресвятой Богородицы. Благовещение. Рождество Христово. Сретение Господне. Крещение Господне (Богоявление). Преображение Господне. Вход Господень в Иерусалим (Вербное Воскресенье). Вознесение Господне. Сошествие Святаго Духа на апостолов (Пятидесятница), или день Святой Троицы. Воздвижение Креста Господня. Успение Божией Матери.

**ОТГАДКИ НА ТОФАЛАРСКИЕ ЗАГАДКИ
ИЗ № 4 (11), 2000:**

1. Дятел. 2. Снег. 3. Вода в реке. 4. Вода и камень в реке. 5. Туча. 6. Пень зимой. 7. Чум. 8. Железный таганок. 9. Седло. 10. Голова. 11. Глаза. 12. Подушка.

*Вопросы составлены по книге: Закон Божий. Для семьи и школы со многими иллюстрациями / Сост. Свящ. Серафим Слободской. - Holy Trinity Monastery, Jordanville, N.Y., USA., 1957. - 576 с.

